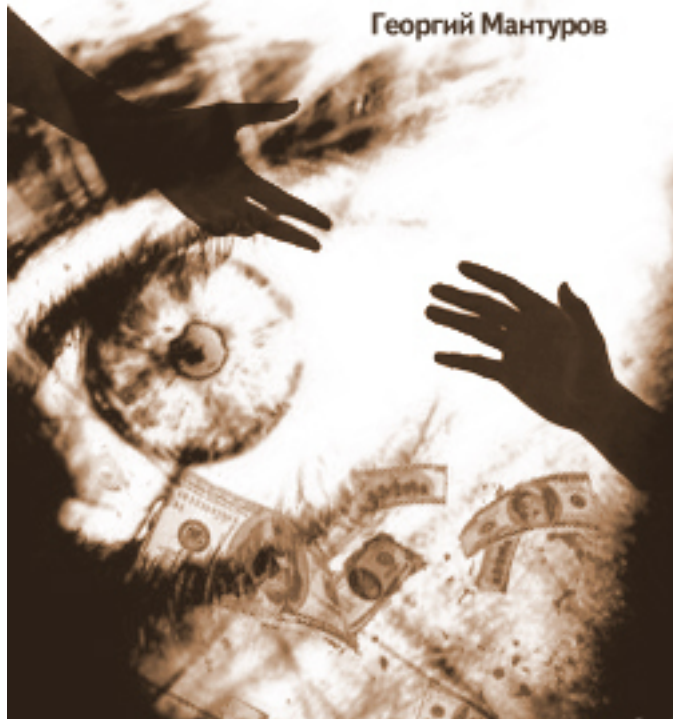

БЕРЛОГА

Георгий Мантуров

Георгий Олегович Мантуров

Берлога

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184035

Аннотация

Что такое серьезный бизнес в 16 лет? Что такое большая любовь?

Московскому десятикласснику довелось испытать все на собственном опыте. Он учится в Школе для будущих воротил бизнеса. Там все по-другому: бывший директор школы становится твоим подчиненным, главного бухгалтера приходится собственноручно обучать Excel, там месячная стипендия 10 000 долларов, там пересекаются пути Воланда и Старика Хоттабыча!

Большой бизнес, большие деньги, большая любовь - как совместить все это? И нужны ли деньги такой ценой?

Это «Берлога» - Промышленная и Коммерческая школа для будущих русских предпринимателей!

Содержание

Глава 1. Чаепитие олигархов	4
Глава 2. Заседание Большого Совета	9
Глава 3. Опыт братьев Филиных	15
Глава 4. Привет от Гудвина	19
Глава 5. Сколько платить капиталисту	23
Глава 6. Дома	27
Глава 7. Гудвин	31
Глава 8. Женька	35
Глава 9. Как назначить свидание	43
Глава 10. Свидание	50
Глава 11. Тест на окупаемость	57
Глава 12. Что такое Пи	67
Глава 13. Чем питаются роботы	72
Глава 14. Как понравиться Главному Алгоритму	79
Глава 15. Долги	83
Глава 16. Я лучше тебя буду	88
Глава 17. Вызов к Горынычу	96
Глава 18. Собеседование	102
Глава 19. Вердикт	118
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Георгий Олегович Мантуров Берлога

Глава 1. Чаепитие олигархов

В одном из самых красивых уголков Подмосковья, на открытой веранде богатого особняка пили чай два господина.

Изящный столик был покрыт белоснежной скатертью, несколько вазочек были наполнены медом и вареньем, в молочнике ждали случай свежие сливки.

Господа были разного возраста: постарше был с седой аккуратной бородкой, говорил степенно, выговаривая слова немного на «о». Тот, что помоложе, имел тонкие усики над губой и был явным москвичом. Он тоже старался беседовать степенно, но всякий раз сбивался на московскую манеру разговора – энергичную и напористую. Голос у него был глубокий, очень красивый, как у артиста.

Стоял теплый июльский вечер. В усадьбе было тихо, птицы уже умолкли. Близились сумерки, но света еще не зажигали.

– Что же будет, Сергей Степанович потом? – неспешно рассуждал тот господин, что постарше, – Лет через десять,

скажем? Где смена? Кто будет после нас?

– Да нормальная растет смена, Константин Васильевич, – весело ответил ему господин с красивым голосом. – Ребята рвутся в бизнес, но, по-моему, одна серьезная проблема тут действительно есть.

– Что за проблема?

– Не хочет никто работать простым менеджером. Они сейчас все хотят вести собственное дело. А этому-то, как раз, никто и не учит.

– Да этому разве можно научить? Нас вот с вами никто не учил. Вы, кажется, по образованию физик?

– А вы, если не ошибаюсь – врач?

– Верно.

Бесшумный как тень официант подкатил к беседующим господам небольшой столик на колесах, на котором стояли корзинка печенья, фрукты и несколько ярких бутылок, зажег свечи, стоящие в специальных бокалах и неслышно удалился.

– Так вот, Константин Васильевич, учат на этих бизнес факультетах не тому, – продолжил господин с красивым голосом.

– Как это, не тому, позвольте вас спросить?

– Да, так. Финансам разным учат, компьютерам, бухгалтерии всякой.

– Ну, так что, разве для бизнеса не это нужно?

– Мы же с вами этого не знали. Предпринимателю всегда

помогут, всегда найдутся профессионалы – юристы или финансисты. А ему надо понимать, как устроен бизнес, видеть его перспективы. И, самое главное, надо иметь к этому способности! Если угодно, быть одержимым страстью, идеей!

– Какой страстью? Как разбогатеть? Как они сейчас выражаются – срубить бабла?

– Нет, не только разбогатеть! Вы же знаете, что купец или промышленник разворачиваются как истинно великие предприниматели уже тогда, когда они достаточно богаты. Ими движет другая идея. Даже не идея, а страсть! Чтобы все вокруг них крутилось, работало, приумножалось. Это как азарт, как вдохновение, как спорт. Как все это вместе взятое и помноженное на точный расчет.

А богатство для них сегодня – это даже не главная идея, это уже главная проблема, если хотите. Сколько богатых людей бездарно прокутили, просвистели свои капиталы. Вы таких людей знаете, наверное, не меньше, чем я.

– Увы, приходилось иметь дело, – вздохнул Константин Васильевич и скушал ложечку клубничного варенья.

– Так вот, к богатству людей тоже готовить надо! Свалилось на человека большое богатство: заработал, выиграл, наследство получил – да мало ли что! Что тогда начинается? Сушее безобразие начинается! Или начинает человек скопидомничать, снега у него зимой не выпросишь. Или такие начинают пиры закатывать: сажает девок полный самолет, цыган целый табор и летит со всей этой шайкой куда-нибудь на

Бали, пугать там аборигенов. Ну, про Куршавель я уже не говорю, сами знаете. Это уже классика.

Кстати, о классике. Вот возьмите: Плюшкин и Ноздрев! Этим двум крайностям уже двести лет, а что, разве изменилось что-нибудь? Только масштаб! Сколько там Ноздрев мог пропить и проиграть на ярмарке? А ведь прокутил имение! Сейчас же деньги дают совсем другие возможности, а уж какие соблазны сегодня! Яхты, казино, самолеты, острова в океане. Весь мир у ног, если есть деньги.

– Ну, хорошо, Сергей Степанович, все это верно, вы-то что предлагаете?

– Я думаю, что нужна школа, Константин Васильевич. Школа, лицей, как угодно назовите. Брать туда ребят, у которых есть внутренняя страсть к предпринимательству, может быть уже какой-то опыт предпринимательства, готовить их на конкретных проектах, и, самое главное – не бояться им доверять.

– А как вы таких ребят искать собираетесь?

– Дело, конечно, непростое. Но согласитесь, страсть к бизнесу это как страсть к театру, к живописи. Если молодой человек поступает в академию живописи или консерваторию, он ведь проходит отбор, творческий конкурс. Проверяют ведь, есть ли у него голос? Есть ли у него талант? А для поступления в вуз, где учат бизнесу, такого конкурса нет. Кого же там выпустят? Только бухгалтера, только менеджера, но уж никак не бизнесмена.

– Вы что же, Сергей Степанович, собираетесь школу создать, из которой будут Морозовы да Рябушинские пачками вылетать? Фабрику предпринимателей, что ли? Хватит с нас уже Фабрики звезд, по-моему.

– Нет, конечно, не у всех будет получаться. Но такого специалиста потом все равно возьмут в любую компанию. С руками оторвут, смею вас уверить! Сейчас в бизнесе острейшая нехватка управляющих, причем именно таких, которые уже имеют опыт предпринимательства, и самое главное, талант предпринимательства.

– Хорошо, Сергей Степанович, давайте вместе подумаем. Готовьте доклад и проект с полным его обоснованием к Большому Совету Директоров. Я поддержу. Только берите ребят не злых и не жадных. Не жлобов. Вот вам мой совет. Добрых берите.

Глава 2. Заседание Большого Совета

Зал заседаний Большого Совета Директоров находился на самом верху высоченного московского небоскреба. Одна стена зала была полностью стеклянной – от пола до потолка.

Председатель Совета глядел сверху на невероятной красоты панораму города. Стоял прозрачный осенний день, видимость была до самого горизонта, только легкий смог немного портил общее великолепие. Сизая дымка мешала различать мелкие детали.

– Это вид уже не с высоты птичьего полета, – подумал он, – птицы сюда не залетают. Это скорее вид из космоса, слишком все нереально. Никогда бы не подумал, что доживу до такого.

Председатель еще помнил Москву темной, скучной, серой. С высоты смотровой площадки на Останкинской башне он вот так же смотрел на Москву году этак в семьдесят шестом, тогда тоже восхищался ее красотой, но к нынешнему ее облику, нынешним домам, дворцам, небоскребам никак не мог привыкнуть до сих пор.

Сегодня Москва, распростертая внизу, даже с такой высоты казалась нескончаемой и уходила за горизонт. Дороги были забиты машинами, маленькими, игрушечными, их было

очень много. Председателю было видно, как струятся автомобильные потоки, как эти потоки разбиваются на ручьи, ручьи на нитки, которые потом опять сливаются в ручьи. Было видно, как эти ручьи замедляют свой бег в пробках, разливаются неровными лужами, и медленно просачиваются сквозь заграды перекрестков.

Стеклянная стена выходила так, что Председателю Москва-река, была видна во всех своих извилах от Сити до Большого Каменного моста. Местами темно-синяя, местами свинцовая, тусклая, местами ослепительная, сияющая на солнце.

Стояла осень, но по Москве-реке еще ходили речные трамвайчики. Председатель внезапно вспомнил, как давно уже он не ездил так по реке и позавидовал тем, кто сейчас вот так запросто может взять билетик и сесть на борт.

Уже тронулись кое-где багрянцем шапки Воробьевых гор, в Нескучном сквозь зелень тоже стали пробиваться золотистые и красные тона. Сахарным пряником лежал Новодевичий монастырь с бело-красными башнями и стенами, золотыми куполами Собора Смоленской Богоматери и стройной, как девушка, красной колокольней.

Вечером и ночью картина преобразалась. Времени года уже не ощущалось. Москва была видна как на экране компьютерного томографа. На фиолетовом фоне ночи ровно мерцали спальные кварталы на окраинах, рекламные надписи напоминали строчки компьютерного дисплея, раковые

клетки ночных заведений пульсировали яркими ядовитыми сполохами.

Автомобильные ручьи ночью были, как и днем полноводны, только окрашены в два цвета – красный и желтый. Красный – от задних габаритных огней, желтый – от передних фар. Они, как на стенде для изучения двух кругов кровообращения, медленно текли по артериям города навстречу друг другу, сплетались на развязках и магистралях, исчезали в тоннелях и появлялись из тоннелей.

– Я заканчиваю, уважаемые дамы и господа, и прошу вас поддержать наш проект «R-Logos», – звучный, красивый голос Сергея Степановича оторвал Председателя от своих мыслей. – Этот проект позволит подготовить новую волну предпринимателей, способных решать задачи, стоящие перед современной Россией.

– Большое спасибо, Сергей Степанович, – взял слово Секретарь Совета. Пожалуйста, уважаемые дамы и господа, какие будут вопросы к авторам?

– Как вы предполагаете организовать учебный процесс? Где ребята будут жить? – взяла микрофон дама в очках с тонкой золотой оправой.

– Жить будут, если захотят – в Школе, если захотят – дома. Преподавать им будут лучшие профессора.

– А бизнес, если я правильно поняла, они будут вести самостоятельно? Но ведь им по 16 лет, как же они будут счета подписывать, платежки всякие? – не успокаивалась дама в

очках.

– Генеральными директорами будут специально нанятые для этого высокопрофессиональные менеджеры, Также как и главные бухгалтеры, финансисты, кадровики. Каждый учащийся будет иметь ранг Президента компании, он будет принимать решения, в том числе финансовые и кадровые, давать задания и контролировать работу подчиненных ему управленцев.

Каждая компания будет представлять собой юридическое лицо, все компании объединяются в Холдинг. Мы дали ему условное пока название «R-Logos». Холдинг является гарантом всех направлений, оказывает компаниям необходимые услуги, естественно на платной основе, предоставляет кредиты и так далее.

– Еще такой вопрос, – поднял вверх руку с зажатой в ней курительной трубкой высокий седой господин, – как явствует из розданных нам документов, вы предполагаете платить студентам стипендию. Здесь, к сожалению, указаны только общие бюджетные цифры. Скажите, сколько будет получать каждый учащийся?

– Мы исходим из суммы в 10 000 долларов.

– В год?

– Нет, в месяц. Мы долго обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что именно так и следует поступить.

– Ну, это неслыханно!

– Почему же? Есть в мире и более состоятельные студен-

ты. А сколько мы должны платить Президенту компании, если его Генеральный получает 5 000 долларов, а водитель 1 500 долларов?

– Но, господа, – раздался ироничный голос дамы в золотых очках, – не скупитесь, 10 000 долларов в месяц для ребенка на сегодняшний день этого даже мало.

– Вы верно сказали, уважаемая Стелла Алексеевна, – ответил ей Сергей Степанович, – помимо стипендии мы заложили в бизнес-план возможность дополнительной выплаты учащемуся 20 % от прибыли, которую получит возглавляемая им компания.

В неожиданно возникшей тишине вдруг раздались громкие одиночные аплодисменты.

– И это правильно, Сергей Степанович. Мы же хотим вырастить настоящих воротил, мы ведь собираемся доверять им серьезные деньги, неужели мы будем платить им как охранникам? Я целиком вас поддерживаю, – произнес седой господин, – Я как Член Большого Совета Директоров, заявляю, что лично готов участвовать в проекте. Чем могу – помогу, опыт есть кое-какой. Кстати, почему у проекта такое странное название «R-Logos»?

– Название условное, от греческого Logos – Знания, а R – Россия, конечно. Сначала хотели назвать «Российские знания», а потом решили, чтобы было короче – R-Logos. Над этим мало думали, если честно.

– Слово предоставляется Председателю Большого Совета

Директоров Сибирякову Константину Васильевичу, – взял микрофон Секретарь.

– Уважаемые дамы и господа, – произнес Председатель, – не буду от вас скрывать, что я еще на стадии зарождения идеи данного проекта был в курсе его общих положений. Услышанное нами сегодня еще больше меня убедило в том, что проект нужен, нужен нам, нужен стране. Надо попытаться. Я прошу вас проголосовать положительно, лично я буду голосовать «за». Спасибо. Можно приступить к голосованию.

Через минуту на экране ноутбука у каждого из Членов Большого Совета появилась и замигала строка «Решение Принято».

– Поздравляю вас, Сергей Степанович, желаю успехов в вашем благородном деле. Всем присутствующим Членам Большого Совета напоминаю о необходимости перечислить на счет нового Холдинга установленные данным решение взносы.

А над названием холдинга, Сергей Степанович, вы еще подумайте.

Глава 3. Опыт братьев Филиных

Шел первый урок, математика. Ольга Витальевна опоздала минут на двадцать и сразу сходу вкатила самостоятельную, уже вторую за эту неделю. Народ, конечно, повозмушался, но, куда денешься, начал вырывать из тетрадок двойные листы и оглядываться по сторонам – искать, у кого бы сдуть.

Учительница написала на доске задания, села за свой стол и украдкой засунула в рот конфету. Потом раскрыла мобильник, нахмурилась и стала сосредоточенно жать обеими руками на кнопки: торопилась до конца урока пройти начатый уровень.

У самого Димона вместо телефона был старенький, с треснувшим корпусом коммуникатор, который ему дешево продал сосед. Отдал коммуникатор в рассрочку, Димон заклеил корпус скотчем и полгода выплачивал ему долг. Машинка хоть и старая, но для Димона бесценная, без нее он как без рук, все дела встанут тут же. Родителям такие подарки были не по карману – все никак не могут с кредитами разобраться, денег не хватает даже до зарплаты.

Димон вздохнул и начал строчить. Задания для него были несложными. С математикой у него вообще было все нормально, он как-то сразу умел видеть решение, даже училка удивлялась. Причем там, где даже у отличников решение на-

ходилось долгое и сложное, ему часто удавалось укладывать-ся в два-три действия. Он не всегда мог объяснить, почему это так, но ответ был верным. Мозги были так устроены, что ли?

Довольно быстро он справился со своим вариантом и под-нял руку.

– Ольга Витальевна, я все. Можно выйти?

Ольгуша с трудом отвела глаза от игры.

– Ты, что все сделал? Делай тогда домашнюю работу.

– Мне в туалет надо.

Не отрывая уже глаза от мобильника, Ольгуша махнула рукой в стороны двери.

– Иди.

В туалете было накурено. У окна покатывались от хохота двое пацанов – братья Филины – Васька и Серега. Они были близнецы, учились в 7-м классе, и их выгоняли с уроков обычно парочкой, по одному не получалось.

Если выгонишь одного, второй из солидарности будет дурить, пока его тоже не выгонят. Так что выгоняли парой, и все к этому привыкли. Новому участнику тусовки они очень обрадовались. Васька первый отсмеялся и через силу сказал:

– Ты прикинь, Димон, я ему говорю:

– Дяденька, мелочи не будет лишней? А он мне:

– Клей, небось, купить хочешь, зачем тебе деньги?

А я ему спокойненько так:

– Нет, дяденька, что вы, какой клей? Мне не клей, мне

тетрадку купить не на что, а завтра контрольная, ну очень надо, дяденька. Ну, он мне и отвалил целый полтинник, приколись?!

– Вот, – говорит, – довели сволочи страну. – Еще говорит: – Учись, малый, только, говорит, клей не нюхай, смотри.

– Ну, и что?

– Да чипсов купили, а остальные Бабуин отобрал, гад.

Димон знал, что ребята давно пасутся у супермаркета. Когда пакеты до машины помогут донести, а когда и просто так попрошайничают, если совсем лень. Компания иногда доходит человек до 10, особенно перед праздниками, когда покупатели загружают продуктами целые багажники.

Сам Димон одно время тоже от нечего делать торчал вместе с ними, помогал – было дело, но до попрошайничества не унижался, не мог. А когда начал немного зарабатывать в Интернете, бросил дурацкие занятия, не до глупостей стало.

Сытые дядьки и тетки в коже и золоте выходили из огромных джипов и скрывались в необъятных недрах супермаркета, потом выходили, толкая перед собой тележки с фирменными пакетами, и грузили все в такие же необъятные недра своих машин.

Димон не раз пытался подсчитать суммы, которые потрачены на эти продукты, выходило, что каждая такая машина под праздник увозит примерно тысяч на 20 колбас, рыбы, сыров, вин, коньяков, тортов и всякой всячины. Это была зарплата его отца за месяц. От такой суммы автоматиче-

ски прикинул Димон 50 рублей это всего 25 сотых процента, а дают пацанам редко когда рублей 10, то есть, получается, пять сотых процента. Не густо.

– А многие вообще ничего не дают, с другой стороны, – рассуждал он, – еще пошлют куда подальше. Так что, спасибо и на этом, кто еще просто так пацанам, ни за что денег даст?

Но 50 рублей на тетрадки от обычного дяденьки да не в базарный день – это много. Если будут все по столько давать на учебу, можно и озолотиться!

– Ну, вы значит, теперь в шоколаде будете, – ответил он Ваське, – всем так говорите, что деньги на учебу нужны, и будет вам счастье!

Глава 4. Привет от Гудвина

В кармане у Димона завибрировал коммуникатор и раздался характерный стук в дверь: пришло сообщение по ICQ: «Гудвин наезжает, что ап¹ был, а его в серпе² нет. Я ему объясняю, что мы крутим мордами,³ и бюджет маленький, а он говорит, что траф⁴ не идет, и угрожает. Может, через дор⁵»?

¹ ап – Апдейт (update, (англ.) – пополнение базы данных поисковой машины новой информацией. Организовать немедленное попадание новой информации в базу данных, собранной индексирующим роботом, невозможно, поэтому, индексирующий робот имеет собственную базу данных, где накапливаются и предварительно обрабатываются собранные им данные. Содержимое этой «буферной» базы данных переносится в основную базу с определенной регулярностью. Момент переноса называют «апдейт».

² серп – SERP (англ. *Search Engine Result Position*) – положение заданного сайта в выдаче результатов поиска поисковой системой. Также так называют страницы выдачи результатов поисковиков.

³ морда – (жаргон) главная страница сайта. «Крутить мордами» – раскручивать сайт, используя ссылки только с главных страниц других сайтов.

⁴ траф – трафик traffic (англ. поток) количество посетителей сайта

⁵ дор – Дорвей (англ. doorway) – сайт или веб-страница, ориентированные на конкретный поисковый запрос (либо группу запросов) и созданные с целью занять высокое место среди результатов выдачи (SERP), генерируемых поисковыми системами по данным запросам, за счет повышенной плотности содержания ключевых слов и правильного использования, важных для ранжирования факторов. Посетители, попавшие на дорвей, обычно быстро перенаправляются (redirect) без их ведома на другой сайт (Сайт-реципиент), в соответствии с поисковым запросом. Дорвей относится к так называемой «черной оптимизации» и как автоматически, так и вручную, исключаются из индексов поисковых систем,

Это был Миха, его помощник. Миха жил далеко, в Молдавии, ему было уже за тридцать. У него была жена, и были дети.

Димон нашел Миху в Сети на одном из форумов, и их сотрудничество оказалось успешным. Димон со своей клиентской базой и Миха со своим трудолюбием и невысокими денежными запросами стали удачным тандемом.

Миха нигде не работал, сидел дома, варил детям мамалыгу из своей кукурузы, пил вино из своего винограда и жал на кнопки компа. Опыта и знаний у него особых не было, но жать на кнопки он мог круглосуточно.

Известие было не из приятных. Димон положил коммуникатор на подоконник и быстро отбил стилосом ответ:

– На дорах можно и в баню⁶ угодить, потом будешь с адурелкой⁷ полгода переписываться. Пузомерки⁸ у нас нормальные, так что ищи дешевые сквозняки.⁹

А про себя подумал:

так как они не несут никакой смысловой нагрузки для «живых» пользователей, а используются исключительно для обмана поисковых роботов (ботов) и, в некоторых случаях, для извлечения крупной прибыли.

⁶ баня – (англ. ban – запрет) – в данном случае санкция поисковой системы на присутствие сайта в SERP. При бане сайт исключается из результатов поиска

⁷ адурелка – (англ. Addurl) фрагмент адреса электронной почты, по которому владелец сайта переписывается со службой поддержки поисковой системы

⁸ Пузомерка – параметры авторитетности сайта в поисковых системах. ТИЦ (Тематический Индекс Цитирования) и PR (Page Rank – ранг страницы)

⁹ сквозняк – одинаковая гиперссылка, устанавливаемая на всех страницах сайта (сквозная ссылка)

– Надо бы сегодня же хомяком¹⁰ заняться. В хомяке дело, скорее всего.

Братья Филины обступили его, с уважением глядя на то, как он быстро бегаёт стилосом по клавише.

– Это у тебя чего? Эсэмэска?

– Это Ася. Дешевле гораздо, – отмахнулся от них Димон.

Братья засмеялись.

– А что, Ася и в телефоне бывает?

– Дурачки вы, – ласково, ответил им Димон. Сейчас в телефоне все бывает. Чему вас только учат?

– Да ничему не учат. Играем, когда дают.

– И что, ничего не объясняют?

– Да алгоритмы какие то, не интересно, вообще.

– Это вы, ребята, зря, – задумчиво ответил Димон, продолжая писать, – алгоритмы, ребята, это хорошо. Это очень хорошо. Хороший алгоритм очень дорого может стоить...

– Да, ладно тебе, умный такой, чтоли? Ну, а чего он еще может?

– Все может, это же Интернет. Музон любой, книжку любую, игру – да все, что угодно.

– А дорого стоит?

– По деньгам. Только с ним еще и заработать можно.

Братья переглянулись

– Деньги нам не помешают. Можешь научить?

– Так вас же пытаются учить, а что толку? Нет, учить я вас

¹⁰ хомяк – (англ. homepage – главная страница сайта, то же что «морда»)

не буду. Некогда мне. Пускай вас Бабуин учит.

Раздался звонок с урока. В туалет ворвалась толпа галдящих пацанов, и Димон быстренько вышел. Пиджак насквозь пропитался табачным запахом, смешанным с обычной туалетной вонью. Сейчас бы на воздух, но охранник не выпустит, значит в столовую? Там тоже вонь, только другая. В столовой должно, по идее, пахнуть едой, а пахнет чем угодно: хлоркой, тряпками, стиркой. Нет, лучше уж вода из-под крана, а компот свой пусть они сами пьют.

Димон закинул в рот жвачку, прикинул по времени: успеет забрать рюкзак из класса и написать еще пару строк Мике. Он забрал из кабинета математики рюкзак, зашел в кабинет истории и пристроился в уголке, закрыв коммуникатор локтем. Не успел набрать и слова, как в Асю снова постучали:

– Сегодня в 6 вечера жду около метро. Есть базар.

Это был Гудвин. То есть, как его звали, Димон уже и не помнил. То ли Артем, то ли Артур. Но ник его – Гудвин – запомнил. Они познакомились на форуме, и Димон взялся помочь ему продвинуть один сайт. Работа за рубежом или вроде этого. Сам Гудвин на своей фирме, судя по всему, и отвечал за этот сайт, но особенно на работе не горел, а нанял за гроши Димона. Теперь, судя по всему, на Гудвина наехал шеф, и ему срочно нужен Димон. Разговор будет неприятный, но идти надо.

Глава 5. Сколько платить капиталисту

В класс вошел историк – Игорь Васильевич Горынин. Был он по совместительству директор и кличку имел соответствующую – Горыныч. Димон от греха подальше быстро спрятал коммуникатор на самое дно рюкзака. Горыныч отбирал мобильники без разговоров, и бегать за ним потом по всей школе не хотелось, так что лучше было не рисковать.

Урок шел как обычно: было даже не особенно скучно, Горыныч умел рассказывать. Он именно рассказывал, а не читал лекцию. Так примерно Димону рассказывал дед про жизнь при коммунистах, при социализме. Только дед, в основном, хвалил те порядки, а Горыныч, в основном, ругал.

– Понимаете, ребята, никто не заинтересован был работать, – рассуждал Горыныч, – поэтому при социализме была очень низкая производительность труда. Люди просто просиживали свой рабочий день от звонка до звонка, лишь бы отбыть положенное время. Разве можно себе сегодня представить такое? А отсюда – товарный дефицит, система распределителей для власть имущих и талоны на продукты для простых людей.

Народ слушал, но не вникал. Народу было по барабану, до лампочки, параллельно и фиолетово. Как будто дело проис-

ходило не в твоей стране всего 20 лет назад, а где-нибудь в Мозамбике в средние века.

– При социализме игнорировалась важнейшая категория товарно-денежных отношений – прибыль, – продолжал Горыныч. – Как таковая, прибыль никого не интересовала – ни государство, ни директора, ни рабочего. Все получали примерно равную зарплату, так что стимулов к повышению производительности труда не было. А прибыль считалась главным признаком капиталистической экономики, она принадлежала капиталисту, а он был символом эксплуатации человека человеком. Капиталист использовал наемный труд рабочих и недоплачивал им. Это, по мнению коммунистов, было несправедливо.

– Но он же им зарплату платил, капиталист-то? – спросила Инночка Пономарева. – Или как сейчас, обман сплошной.

– Платить то платил, но мало! Да и обманывал, конечно, тоже. Часть их денег он забирал себе. Это была его прибыль.

Вот Карл Маркс в своем «Капитале» проводит такую основную мысль: рабочий к стоимости сырья и материалов прибавил свой труд. Был просто кусок ткани, а стал сюртук. Он, таким образом, создал новую стоимость. Сюртук ведь дороже чем простой кусок ткани.

Часть этой новой стоимости ему капиталист оплатил, выдал зарплату. А другую часть недоплатил, себе взял. Получил, так сказать, прибыль.

Это несправедливо, считал Маркс и все его ученики – Ле-

нин, Сталин и многие другие. Ленин, например, так и сказал рабочим: вам капиталист все время недоплачивал. Все, что у него нажито – дворцы, машины, заводы, – это все сделано вашим трудом. Вам этого просто в свое время недодали. Вас всю жизнь обманывали и грабили. Так отберите все у капиталистов обратно, грабьте, так сказать, награбленное. Это будет справедливо, и ничего в этом плохого нет! Рабочие и крестьяне пошли за Лениным и сделали революцию 1917 года.

– Секундочку, – поднял руку Димон. – Я что-то не понял. А что, капиталисту этому вообще тогда ничего не положено? Он, что не трудился?

Он же все организовал, вроде, купил это самое сырье, ну, в смысле ткань, на свои деньги, фабрику построил. Если бы он эту фабрику не построил, где бы этот рабочий работал и зарплату получал?

– Хороший вопрос, Чернов, – быстро отреагировал Горыныч, – здесь Маркс как раз точно не говорит, сколько было бы капиталисту справедливо взять себе в качестве, так сказать, вознаграждения. Он говорит, что 50 % это грабеж, а сколько не грабеж – не говорит. Говорится только, что он недоплачивал, то есть не отдавал все, что вновь создано рабочим. А если 20 % – тоже грабеж? Неизвестно.

Но вот что интересно: сам Маркс и говорит, что капиталисту просто необходимо недоплачивать рабочим, поскольку он должен постоянно расширять свое производство, ина-

че экономика встанет. А из чего расширять? Из прибыли. А где ее взять – прибыль, если все отдал рабочим? Так что вопрос оплаты труда капиталиста Маркс оставил открытым. Какие будут еще вопросы?

Теорией Маркса в классе никто не интересовался, так что вопросов больше ни у кого не было.

– Ну, если ни у кого вопросов нет, тогда к доске пойдет... – Горыныч обвел взглядом притихший класс, – пойдет... – он заглянул в классный журнал...

– А вот у меня есть вопрос, – выручил класс Вадик. – А правда по радио говорили, что татаро-монгольского ига не было? И что Куликовская битва на Солянке была рядом с метро «Китай город»? Я чего-то в это не верю.

Народ воспрянул духом. Это была Горынычева любимая мозоль. Про нее первыми случайно узнали 11-классники и с тех пор другие тоже успешно пользовались этим удачным ходом. Горыныч был ярким противником новой хронологии. Он мог говорить на эту тему часами, разоблачая шарлатанов от истории. Так произошло и в этот раз: к доске никто не пошел, зато остаток урока Горыныч самозабвенно громил горе-историков, обрушивая на их головы все громы и молнии.

Потом была химия, потом две литературы, потом английский. Все это время Димон прокручивал в голове, что он скажет Гудвину и что Гудвин может сказать ему.

Глава 6. Дома

По дороге домой он, как обычно, слушал музыку, сегодня это был «Мумий Троль».

Мерзкий Троль, жеманный кривляка с безумными словами и масляными глазами. Кажется, это троль разбил зеркало, и осколок заморозил сердце Каю. Кино такое было в детстве.

Он держал этого тролля в плеере потому, что тогда в «Синем слоне» тоже был этот Мумий Троль. Димон ехал в маршрутке, закрыв глаза, и вспоминал зеленые лучи дискотеки, как они разбегаются по залу трассирующими очередями, как он ловит их руками, лицом.

Зеленые лучи отражаются и на лице Женьки, она улыбается ему, потом всем, потом опять ему. Только ему. Смотрит на него, теперь только на него.

– Ее мальчик далеко, в семи морях, – дразнит его Женька.

В том то и дело, что ее мальчик не он. В том то все и дело. Может быть, и троль здесь ни при чем.

Ее мальчик на третьем курсе университета в Америке. Он свободно говорит по-английски, ест одни гамбургеры и жареную картошку, и его не тошнит. А Димона тошнит и от мумитроля, и от жареной картошки, и от этого студента американского университета. Но ради Женьки он все это перетерпит и будет слушать этого тролля и, вообще, все, что слу-

шает она.

Домой Димон пришел уже в четвертом часу. В школе он избежал вони школьной столовой, но всю дорогу до дома его преследовали запахи один хуже другого. В маршрутке просто воняло, в подъезде дома воняло поменьше, но в лифте от смешанного запаха копченой колбасы и сладких духов его чуть не стошнило.

Войдя в квартиру, он сбросил с себя все, повесил школьный пиджак на лоджию проветриваться от всей этой впитавшейся вони, залез в душ и минут двадцать с наслаждением смывал с себя дневные запахи. Выйдя из душа, закинул в стиралку белье, надел все чистое и сразу кинулся к компу, включил его, забил пароль и зашел в Сеть.

Антоха уже сегодня, естественно, побывал за компом, мышка была вся липкая.

Антоха – младший брат – сейчас был в школе, учился во вторую смену. Утро было в его полном распоряжении. Родители на работе, Димон в школе, а комп – вот он! Сто раз ему говорил, чтобы перед компом руки мыл – бесполезно! И, вроде как, моет, но мышь после него все равно липкая.

– Наверное, у маленьких так руки устроены, что постоянно сахар выделяют – подумал Димон.

Ну, слава богу, что не снес ничего, как недавно. Комп открылся, все работало. Димон запустил программу проверки на вирусы (после Антохи дело нелишнее) и пошел на кухню. В животе урчало и сосало.

– Так, что мы имеем? – Димон открыл холодильник.

Колбасу Антоха подобрал до последнего кусочка, остались одни шкурки. Хлеба оставил, и на том спасибо. Сыр кончился еще вчера вечером. В холодильнике был плавленый сырок, полпачки майонеза, пара помидоров, половина кочана китайского салата, вот и все. В морозилке лежали замороженные овощи, масло, курица и всякая всячина с лета: ягоды, грибы и тому подобное. Короче, все не то.

До 6 часов времени оставалось немного, размораживать и жарить курицу было некогда. Димон поставил на плиту кастрюльку с водой, мелко порезал туда сырок и высыпал пачку замороженных овощей. Потом быстренько сообразил несложный салат: нарезал кочан, накрошил туда помидоры, посолил, залил майонезом.

«Салат „Грезы любви“», – тут же дал ему название Димон. Почему «Грезы» и почему «любви» он сам не знал, просто это первое, что пришло в голову, но все равно было красиво. И вкусно, хотя с голоду все вкусно, это он давно знал.

Пока он уплетал «Грезы любви», сырок растворился в кипящей воде, овощи сварились за считанные минуты, получился суп. Теперь, самое главное, его надо нормально посолить и поперчить.

После супа стало хорошо, напала сонливость, потянуло прилечь. Нет, спать нельзя, – Димон быстро вымыл посуду и вернулся к компу.

Все было в порядке, вирусов не обнаружено. Начал он с

того, что зашел на сайт Гудвина. Сайт подвисал немного, но это уже проблема хостинга, а не Димона. Действительно, во вторник был апдейт, позиции сайта в Яндексе поднялись, но в десятку по основным запросам сайт пока не вошел. Не так все плохо, чего Гудвин нервничает? Надо подождать еще, это такое дело, тут терпение нужно.

Так, что с главной страницей? Димон открыл закладку с анализатором страниц, загнал адрес главной страницы гудвиновского сайта. Концентрация ключевых слов действительно не хорошая, надо поменять кое-что.

Димон поставил в коммуникаторе будильник на 17.30 и погрузился в работу.

Глава 7. Гудвин

Гудвин приехал на встречу в стареньком Ауди. Димон ждал его на выходе из метро, но Гудвин подошел с другой стороны и жестом показал в стороны Ауди. В Ауди тоже воняло: застоявшимся табаком и каким-то отбивателем запаха. Не как в школьном туалете, получше, конечно, но все равно неприятно пахло.

Гудвину было лет за 20, он постоянно курил, а когда не курил, то прикладывался к банке энергетического пойла.

– Короче, ты меня сильно подвел, – начал Гудвин. Ты обещал мне вывести сайт в ТОП, взял бабки и не вывел. Ты попал, парень.

– Послушайте, – попытался объяснить Димон.

– Тут нечего слушать. Ты должен за базар отвечать. Даю тебе срок до следующего апа. Делай, что хочешь, но результат должен быть по любому

– Нет, послушайте, я верну деньги, если не получится. Я же себе ничего не брал. Я все на линки потратил, можешь посмотреть, я тебе присылал список, там все есть. Сколько, кому. И потом, я не обещал, я с самого начала говорил, что это не я руковожу Яндексом, я просто знаю, что надо сделать, чтобы сайт релевантнее выглядел. Но надо просто подождать, ведь результат-то есть, вы же видели, что сайт поднялся. Надо просто еще подождать.

– Нет, парень, ты не понимаешь. Твои паршивые деньги никому не нужны. Ты обещал. Ты время у людей отнял. А это время стоит очень дорого. Если ты будешь деньги возвращать, ты будешь много возвращать, сайт должен был за это время бабки зарабатывать, а он стоял по твоей вине. Ты попал, парень. Все, давай. У меня больше времени нет с тобой базарить, меня телка ждет. Короче, понял все?

Гудвин перегнулся через Димона и открыл пассажирскую дверцу, – будь здоров. И не вздумай пропадать, симку там выбрасывать и так далее. У тебя две недели.

Димон вылез из Ауди, глотнул свежего воздуха. Его мутило то ли от страха, то ли от злости. Он в принципе догадывался, что этот долбаный Гудвин никакой не великий и ужасный Гудвин, а простая шестерка у каких-то крутых ребят. Он сам их боится и пытается свой страх перевести на Димона, запугать его. Не надо было деньги брать, Петр предупредал: не надо. А как работать? Свои вкладывать? Свои заработать сначала надо. А как заработать?

За свою жизнь Димон успел уже поработать в двух местах: курьером в женском журнале и в Макдоналдс.

Была еще одна несерьезная попытка частного бизнеса, но она быстро заглохла. Димон пробовал рисовать в фотошопе всякие прикольные картинки, распечатывал их на специальной термобумаге и с помощью обычного утюга переводил эти принты на футболки.

Футболки пользовались спросом, тем более, что цены Ди-

мон не заламывал. Он довольно быстро удовлетворил потребности пацанов в своем дворе и уже помышлял о расширении производства, но тут оказалось, что рынок его двора насытился, а где искать новых покупателей он не знал.

К тому же дело было трудоемкое и оправдывалось только при поточном производстве, а клиенты предпочитали, чтобы майки не повторялись, и носить одинаковые категорически отказывались. Единственной картинкой, которая расходилась на «ура» было изображение серпа и молота и подписью «Коси и Забивай!».

Индивидуальный дизайн отнимал кучу времени, да и бумага была недешевая, так что оставалось Димону не так уж и много: с каждой майки рублей 50, иногда 70.

Кончилось тем, что «Кодак» на каждой почте стал принимать заказы на такие майки, и Димону пришлось сойти с дистанции. Не выдержал конкуренции с международным монстром.

В журнале платили мало, в Маке тоже. Курьером он заработал за полтора месяца 9 000 рублей, а первая половина лета пришлась на Мак. В Маке можно было заработать побольше, но Димону не понравилось, как там все устроено.

Надо было заискивать и прогибаться перед своими же ровесниками, которые выбились в начальнички. Без этого работать было невозможно, придрататься там готов был каждый, кто хоть чуть-чуть повыше тебя в должности. Настучать на товарища тоже готов был каждый, вся система была постро-

ена на карьерном росте и на большой текучке кадров. Каждый день почти приходили новые и увольнялись не выдержавшие.

Работа была тяжелая, ноги гудели к концу дня, голова тоже гудела. К тому же после Макдоналдса у Димона появилась эта ненависть к любой вони. Там его просто сводил с ума этот фирменный аромат смеси перекаленного арахисового масла, человеческого пота, хлорки, мокрых курток посетителей, автомобильных выхлопов у окна Мак-авто и еще черт знает чего.

Один раз он всю смену простоял у фритюрницы с жареной картошкой. Сначала даже понравилось, но через час стало невозможно, а к концу смены он надыхался так, что еле стоял на ногах. Дома его рвало, мать хотела даже вызывать скорую. Устроил переполох. Ничего, обошлось, на следующий день стало легче, потом привык, как и все, впрочем. Только есть уже эту картошку не мог, вообще, ничего там есть не мог. Молоко иногда, кофе – это да, это можно.

А вот в журнале было интереснее, в журнале он встретил Женьку.

Глава 8. Женька

Собственно это был не столько журнал, сколько интернет-издание. Небольшой бумажный тираж печатался, но почти не продавался, в киосках, во всяком случае, его Димону видеть не приходилось. Вышел он на него совершенно случайно: бродя по закоулкам Сети, наткнулся и предложил им свои услуги.

Довольно заурядный сайтик для домохозяек, увешанный светскими сплетнями, гаданиями, кулинарными рецептами, советами косметологов и всем тем, что носит общее имя «гламур».

Ему ответили, но отрицательно, им это было не нужно, им нужен был курьер. Стояло лето, работы не было, денег тоже не было, и Димон согласился.

Как они там жили, у Димона в голове не укладывалось. Сайт посещался слабо, бумажная версия в киосках не продавалась. А в тоже время, офис снимать – плати, бухгалтерию содержать – плати, за хостинг и прочие заморочки – плати, сидмину – плати, журналистам – плати. А где деньги берут на все? Это Димону было очень интересно. Ну, не бывает же, чтобы ниоткуда деньги появлялись. Как-нибудь надо будет спросить, – думал Димон. Но у кого? Кто на такие вопросы будет отвечать?

Работа в принципе была несложная: сидишь в офисе и

ждешь команды. Кофе там пьешь, с сисадмином трещишь о своем, о родном. Ну, и съездить за день приходилось раза три, документы, договоры, издательства, налоговая инспекция, авторы.

Вообще то, с авторами работа велась вся по электронной почте, все авторы были так называемые фрилансеры. Фрилансеры это наподобие Михи. Сидят себе дома тети и дяди (дяди редко, в основном, тети) и пишут статьи. Посылают в журнал статьи по и-мейл, деньги получают на сберкнижку, никуда не ходят, никого не видят. И их никто не видит, кроме Димона, который привозит им на подпись договор. А жаль, что никто их не видит!

Димон их видел не раз и первое время сильно удивлялся дикому, просто жуткому несоответствию.

Как такая толстая неряшливая тетя, у которой входная дверь держится на честном слове, у которой по кухне бегают стада тараканов и гора посуды в раковине, как такая тетя может писать о каком-то фен-шуй?

Какие могут быть тут курительные палочки и звенящие колокольчики?

Откуда она знает, где повесить зеркало и как надо правильно делать ремонт?

Сама-то когда в последний раз ремонт делала? Когда сама-то в последний раз в зеркало смотрелась?

Как она может писать о диете, о том, как посещала на днях солярий и избавлялась от целлюлита? Если б только читате-

ли знали, кто пишет все это!

– Вот она виртуальная жизнь, – думал Димон. – Реально все вранье, и столько людей это читают и верят. А как же! Верят, наверное, если читают.

За умными словами журнальных статей стояли жуткие, нечесанные, в грязных халатах тетки. Они советовали есть больше ананасов, пить больше зеленого чая, и худеть. Худеть правильно и безопасно. Худеть с аппетитом. Худеть одной и худеть в компании себе подобных. Они пугали и утешали, рекомендовали и негодовали по поводу чужих рекомендаций.

– Разводят, – называл это по-своему Димон, – делают дураков из людей. Вот ты посмотри, Леха, что они пишут! Сначала пишут про кислородную косметику. Как это полезно пишут, если в креме есть кислород. А на следующей странице уже пишут про антиоксиданты. А что такое антиоксиданты? Это то, что нейтрализует кислород. То есть, как это вредно, когда есть кислород. Ну, кто это читает? Химию проходили эти люди? И ведь верят.

А вот еще, смотри: жвачка с карбамидом. Ты знаешь, что такое карбамид? Это мочевины! Минеральное удобрение!

Леха выпучил глаза и поперхнулся кока-колой:

– Да ладно, не может быть. Брехня. Не могут они мочу в жвачку закладывать, это уж вообще... жуть, беспредел.

Димон залез в Гугл и за пять секунд доказал Лехе, что карбамид и мочевины – одно и то же, попутно, правда, выяснив для себя, что с мочой это не связано, просто название такое.

– А коэнзим что такое, знаешь? – продолжал возмущаться Димон.

Леха отрицательно покачал головой. Он был большой охотник до жвачки, и сейчас переваривал новую информацию.

– Коэнзим – это просто витамин, Так ведь не пишут же крем с витамином, а пишут с коэнзимом! Все рассчитано на двоечников.

Тут сисадмин Леха был полностью согласен:

– Точно, лохов на бабло разводят.

Леху в жизни интересовали только три вещи: компьютеры, футбол и тотализатор. Он мог говорить об этом часами. Он знал наизусть всех игроков команд Высшей Лиги, результаты матчей за последние несколько лет, в том числе на какой минуте и кем были забиты голы.

По мнению Димона, Леха был игроман чистой воды, с той только разницей, что время он проводил не перед игровым автоматом у метро, а в Сети, на сайте букмекерской конторы.

– Лех, ну это же, как в рулетку играть, – пытался образумить его Димон, – или в автомате, какая разница?

– Большая разница, – отвечал Леха. – Там от меня ничего не зависит, а здесь я все знаю.

– Почему же ты не в шоколаде до сих пор?

– Не везет пока. Вот, погоди, я свое возьму.

И не сказать, чтобы он постоянно проигрывал, нет, бывали и выигрыши. Несмотря на это, Леха постоянно сидел без

копейки и вечно занимал у всех, кто сколько даст. Долги отдавал с зарплаты, и у Димона сложилось впечатление, что вся Лехина зарплата и уходила на этот чертов тотализатор.

И просидел бы в этом непонятном виртуальном журнале Димон без всякого толка, если бы не тот памятный день. В тот день его послали с обычным договором к автору. К черту на рога, в Матвеевское.

Дверь открыла девушка, то есть Димон даже сначала не понял, что это девушка. Она была вся золотистая – волосы, джинсы, футболка, даже домашние тапки. От нее исходило золотистое сияние, от волос особенно.

Димон сначала прищурился. В подъезде было темновато, в лифте тоже, а тут – сияние, как будто смотришь на солнце.

– Вы курьер? Давайте, – сказала девушка и протянула руку.

Димону показалось, что в подъезде запели ангелы.

– Вы курьер, договор привезли? Где расписаться?

Тут до него дошло, что это действительно солнце светит из-за ее спины, сквозь окно в кухне, а девушка тут ни при чем. Обыкновенная.

– Мне автор нужен, – хрипло ответил он, – Демидова. Дома она?

– Дома, дома, – засмеялась девушка, – это я автор. Давайте договор. -

И снова запели ангелы.

– Ну, проходите на кухню, что в прихожей стоять?

На улице было сухо, но Димон культурно вытер ноги в кроссовках о дряхлый половик и прошел за девушкой.

Она быстро пролистала тоненькую папочку, расписалась и отдала Димону один экземпляр.

– Вот и все. Чай будете?

– Нет, просто попить дайте. Если можно.

Девушка налила из чайника стакан воды, подала Димону.

– Ну, все, спасибо, я дальше поехал.

– До свиданья, – ответила девушка и протянула ему руку, – как-нибудь заеду к вам в офис. Увидимся.

– До свиданья, – сказал Димон, и дверь за Димоном закрылась.

Лифт он вызывать не стал, это просто не пришло ему в голову. По лестнице он спускался бегом, одолевая пролет в два прыжка.

Необъяснимая радость переполняла его, ноги и все тело стали легкими-легкими и просто рвались в воздух. Так бывает, когда забьешь гол.

Как чертик из табакерки он выскочил из подъезда на залитый солнцем асфальт.

– Привет, бабульки! – прокричал он ошарашенным старушкам, сидящим на скамейке, – как дела? Нормально?!

Ноги сами несли его, тело потеряло вес, казалось, что вот-вот он взлетит. Он добежал до автобусной остановки и с трудом остановился. Он мог бы бежать и дальше, но взял себя в руки. Сердце еще сильно билось, но сознание стало воз-

вращаться к нему, он стал различать людей вокруг, их недоуменные взгляды.

– Все нормально, – пробормотал он, – все хорошо, нормально все.

Тем не менее, первый автобус, он пропустил, дождался следующего и сел в него уже более или менее и спокойный, только улыбался все время.

Он прокручивал в голове только что произошедшие события, вспоминал, как пели ангелы, вспоминал ее золотистые волосы, как она подала ему стакан с водой, как протянула ему свою ладошку.

Вспомнил о бабульках, о том, каким придурком он, должно быть, выглядел, когда выскочил из подъезда, и вдруг зашелся от счастливого идиотского смеха.

Соседи с удивлением смотрели на ненормального парня, который ни с того, ни с сего вдруг отвернулся к окну и затрясся от рыданий. Парень то и дело рукой вытирал слезы, плечи его тряслись, и слышались душераздирающие всхлипывания.

Никто, однако, не вмешался.

Мало ли сейчас в Москве психов? Всем слезы не утрешь.

Дома он первым делом бросился к компу и зашел на сайт журнала. Она вела в нем рубрику для молодежи, писала о модных тусовках, саундтреках, хит-парадах и тому подобное.

Ее звали Евгения Демидова, на сайте был ее электронный

адрес, была ее фотография, но на ней она была не такая как сегодня. На фото ей было лет как Ольгуше, совсем взрослая. Димон распечатал ее фото, вырезал и спрятал в потайной карман рюкзака.

Он потом до поздней ночи несколько раз вспоминал ее, и каждый раз ему становилось на душе необъяснимо радостно.

Удивительно даже: просто вспомнил, и сразу радостно.

Глава 9. Как назначить свидание

Он долго не решался написать ей на и-мейл. Вернее, писал несколько раз, но не отсылал, так все получалось глупо.

– Здравствуйте, дорогая Евгения. Я тот курьер, который вам привозил договор. (Глупо! Еще бы написал «Здравствуйте, дорогая редакция»)

– Привет, Евгения, я Дмитрий, который вам привозил договор. (Немного лучше, но дальше то, что писать? Что ни напиши, все выходило по-идиотски).

Так и не написал.

Потом начался учебный год, он ушел из журнала, закрылся с учебой, заказами в интернете, стало не писем. Однажды он позвонил Лехе, просто так, узнать как дела. Как бы, между прочим, спросил про Женю, оказалось, она недавно была в журнале.

– А про меня не спрашивала? – робко спросил Димон.

– Как же, – ответил Леха, – был базар. Где у вас, говорит, тут был такой мальчик воспитанный. Курьером работал.

– Лех, ты врешь!

– Ну, не хочешь, не верь. Мне-то смысл какой врать?

– Слушай, а ты ее телефон знаешь?

– Не, мыло знаю.

– Да мыло я и сам знаю.

Помучившись несколько дней, Димон подошел к отцу.

– Па, вот если бы ты хотел какого-нибудь человека в кино позвать, а знаешь только его мыло, ты бы как поступил?

– Какое мыло? – не сразу понял отец, оторвавшись от телевизора.

– Ну, и-мейл, электронный адрес, я хочу сказать.

– Да так бы и написал – давайте пойдем сегодня в кино. А еще проще не писать, а позвонить и пригласить.

– А если телефона не знаешь.

– Ну, тогда, отправь этому человеку свое мыло, сообщи свой телефон и попроси, чтобы она тоже прислала тебе свое мыло, но с телефоном.

В итоге он отослал мыло такого содержания: Женя, это Дима из редакции. Мой телефон такой то, как вам позвонить?

Она позвонила сама на следующий день. Было воскресенье, и Димон еще спал.

– Привет, это Демидова. Что случилось? Кому я там понадобилась?

Непроснувшийся Димон хрипло ответил:

– Мне понадобилась. (Господи, что я несу?) Это я – курьер. То есть, бывший курьер. Это я – Дима. В смысле ничего срочного, я просто хотел поговорить.

– А, так это личная инициатива?

– Ну, да. Я просто хотел поговорить.

– О чем?

– Да обо всем, – в голове стало чуть-чуть проясняться. –

В кино сходить, например.

– В кино – это хорошо. А когда?

– Сегодня можно. Сегодня воскресенье.

– Я знаю, что воскресенье. Сегодня в Иллюзионе идут «Римские каникулы», я сама собиралась посмотреть, только может билетов не быть.

– Вы только не волнуйтесь, я куплю билеты. Сейчас поеду и куплю. Вы мне только свой телефон скажите.

– Да я и не волнуюсь, чего мне волноваться то? Вот на этот номер и звоните. У тебя ведь номер определился?

– Да, конечно, я все понял, я вам позвоню, обязательно позвоню. Вы его только не выключайте.

– Ладно, звони. И просыпайся. Пора уже вставать!

Димон ошалело помотал головой и побежал в ванную. Он еще не осознавал до конца, что счастье вот оно – совсем рядом. Голова была еще мутной.

Женя позвонила,
Сама позвонила!
Оп-па, опа, опа-па

Дураку такому
Сама позвонила.
Оп-па, опа, опа-па

Дуракам всегда везет.
Оп-па, опа, опа-па

Дуракам всегда везет,
Оп-па, опа, опа-па

Он пел, приплясывая, под душем бессмысленную песню, вспоминал, как глупо он с ней разговаривал. Тело под душем наливалось утренней силой, появлялось желание бежать, прыгать, заорать что-нибудь дурацкое, какое-нибудь «О-го-го!»

После душа, обмотав вокруг бедер полотенце, он встал перед умывальником. Маленькое зеркало не позволяло оглядеть себя во весь рост, а жаль. Он чувствовал, что за лето плечи стали шире, на предплечьях появились намеки на бицепсы. Он согнул в локте руку, напряг мышцу, под кожей подтянулся и округлился упругий шарик. Он поднял вторую руку, напряг второе предплечье, но обе руки в зеркале уже не поместились.

Вертеться перед зеркалом и разглядывать себя по частям было как-то неловко, и Димон с сожалением взялся за зубную щетку. С зубами он не торопился, делал все, как говорил зубной врач два года назад. Его тогда родители впервые отвели в платную, там молодой симпатичный доктор очень обходительно вылечил больной зуб и пока твердела пломба бесплатно рассказал ему, как правильно надо чистить зубы.

Расслабленный и счастливый, оттого, что все кончилось, Димон лежал в кресле с открытым ртом, набитым ватой, и очень внимательно слушал лекцию.

На него эта лекция произвела невероятно сильное впечатление, при этом особенно сильный эффект произвел макет челюстей, которые доктор держал при этом в руках и водил по ним чудовищных размеров щеткой.

То ли от наглядности этих гигантских челюстей, с белоснежными зубами и розовыми деснами, то ли от благодарности и уважения к умнице доктору, который сделал все не больно, Димон с тех пор чистил зубы строго по той инструкции. Она врезалась в память навсегда, и никто на свете не смог бы переубедить его, что можно чистить зубы как-то иначе.

Да, зубы были в порядке, а вот с прыщами что делать, инструкций никто не давал, он с удовольствием послушал бы где-нибудь такую лекцию. Два были уже не так заметны, зато третий под нижней губой назревал нешуточный. Говорят, их как-то замазывать можно, но как и чем именно, Димон точно не знал.

– Надо в Сети посмотреть, – подумал он, – не у одного же у меня такая проблема.

Бриться было сегодня необязательно, но Димон все же набрал на ладонь немного мыльной пены, мазнул подбородок и провел по нему пару раз отцовским станком.

– Ладно, не Супермен, конечно, но, с другой стороны, и не Шрек! Что уже неплохо.

Дома никого не было. Родители с Антохой вчера уехали на дачу.

С утра пельмени не хотелось. Димон вообще не любил магазинные пельмени. Придется яичницу. Яичницу Димон научился делать давно, одной левой и из чего угодно.

Он разогрел сковородку и, не жалея, отхватил от пачки масла приличный кусок. С яичницей дело такое – масла жалеть не следует. Так, что еще в яичницу пойдет? Димон заглянул в холодильник. Пара бананов, сыр, вот и весь его запас. А что? Сгодятся и бананы!

Он нарезал кружками банан, выложил в заскворчавшее масло, подумал и положил на сковородку два куса подсохшего белого хлеба. Будет яичница с бананом, сыром и гренками. Яичница «Тропиканка».

Они дома уже давно стали давать блюдам яркие имена. Димон заметил, что название волшебным образом влияет на вкус еды. Отец рассказывал, что в его годы в ресторане можно было увидеть в меню даже «Бифштекс гов. рубленый с яйцом», но тогда на этом никто не заморачивался, в ресторан было не попасть. Другие названия были немногим лучше: просто «Азу по-татарски», или «Солянка сборная».

Только это не понтово. Сейчас такое не прокатит. Понтово будет, если взять, например, простые вареные макароны, полить их растопленным маслом, посыпать рубленой кинзой с чесноком и тертым сыром и назвать это «Паста Аль-Капоне», и гости съедят все и еще потребуют добавки!

Всякому ведь приятно чувствовать себя главарем мафии! Понты – большое дело!

Гренки обжарились за пару минут, бананы тоже, все – можно заливать. Димон разбил в плоску два яйца, взбил их вилкой, вылил в сковороду и положил сверху ломтик сыра. Тут же, пока не забыл, включил чайник, и снова принялся за салат. Яичница подоспела через считанные минуты, он перекинул ее со сковородки в тарелку, бросил в чашку пакетик чая, два куска сахара. М-м-м, классная получилась Тропиканочка.

Через десять минут он уже выбегал из дома, на ходу вставляя наушники и одновременно продевая руки в лямки рюкзака.

Женя позвонила,
Сама позвонила.

Дураку такому —
Сама позвонила.

Кто бы мог подумать —
Сама позвонила, —

билась в голове глупая плясовая песня.

И только мощные звуки The White Stripes – Rag And Bone сбили с дурацкой песенки. Бешеные ритмы заставили ускорить шаг и почти перейти на бег. Скорость! И-и-е-ху-у!

Для начавшегося так удачно воскресного утра Rag And Bone было как раз то, что нужно!

Глава 10. Свидание

Они встретились в 11.30 у метро Таганская напротив театра. С билетами в кармане в 10–30 он стоял уже у метро. Пока ждал, обошел все цветочные палатки на площади, долго выбирал и купил, в конце концов, одну темно-бордовую розу, страшно колючую на длинном стебле. Цены на цветы были нереальные, просто безумные.

Женя не опоздала, на ней был серебристый плащик, рыжие волосы были собраны в простой пучок, вид у нее был вполне деловой, как будто она выехала на очередное задание редакции, а Димон был при ней кем-то вроде фотокорреспондента.

Розу она взяла как нечто самой собой разумеющееся, но Димону было уже не до женских восторгов: он порядочно исколол себе руки шипами, пока ходил с ней, перекладывая теплый колючий стебель из руки в руку, и рад был от нее поскорее избавиться.

До Иллюзиона надо было пройти вниз от Таганки к высотному зданию на Котельнической набережной. Под горку идти было легко, ноги несли сами, вскоре они почти перешли на бег. Они летели молча, обгоняя прохожих, пока Женя не сказала: «Куда это мы так несемся, времени еще вагон и маленькая тележка». Они замедлили шаг.

– Ну, так о чем же ты хотел со мной поговорить? – спро-

сила Женья. Димон с удивлением обнаружил, что его язык отказывается ему повиноваться. Он собрался с силами и с трудом произнес идиотскую фразу:

– В каком смысле?

– Это я тебя спрашиваю, в каком смысле? Ты хотел со мной поговорить. Ну, вот и говори. В любом смысле можешь говорить. Ты, что философ? Во всем ищешь свой смысл?

– Да никакой я не философ? И ничего я не ищу. Я просто хотел спросить, почему ты на этот фильм хочешь пойти? Вроде, не было рекламы.

– Этот фильм не надо рекламировать, это очень старое кино, мне о нем много рассказывала мама, это ее любимый фильм.

– Типа «Броненосец Потемкин»? – блеснул эрудицией Димон.

– Нет, что ты. Мама у меня, слава богу, не такая старая. Там играет моя любимая Одри Хепберн. Я кстати про нее недавно статью писала. Но тебе этого не понять ты еще маленький.

В буфете Димон, проклиная свой моложавый несолидный вид, купил себе пива и соленых сухариков. К счастью, буфетчик оказался парнем, он не стал придираться к его возрасту, в отличие от старых теток. Этих – хлебом не корми, дай только поиздеваться над людьми:

– А сколько тебе, мальчик, лет? А ты знаешь, что нам запрещено детям пиво продавать?

Жене взял кофе и пирожные. Вообще-то, к пиву Димон, если честно, до сих пор так и не смог привыкнуть, горькое, невкусное, но все пьют, чем он хуже? Женя тут же скривила губки:

– Ты пьешь пиво? Хочешь быть как все?

– Почему как все? Просто хочу пива, – соврал Димон. – А ты, что? Одна во всем мире пьешь кофе?

– Сравнил! Кофе вкусно, особенно с пирожным. А пиво – гадость. Горькое.

Димон в душе был с ней полностью согласен. Хотя кофе тоже горькое. Он сейчас с удовольствием выпил бы лучше какой-нибудь сладкой газировки, да заел бы хорошим бутербродиком с маминой самодельной буженинкой.

Но пришлось допивать это несчастное пиво, деньги заплачены. Кстати, тоже недешевое пиво получилось, в киоске на эти деньги можно было три бутылки купить. Только что с ними делать потом, с этими тремя бутылками? Пить эту горечь и мучиться?

Кино оказалось действительно старое. Там одна девчонка, какая-то принцесса (непонятно, правда, какого царства-государства) приехала в Рим и сбежала от своих, чтобы погулять одной по Риму. Ну и познакомилась с одним парнем, журналистом, в общем, ничего особенного.

Димону история показалась неинтересной, а вот машины, которые ездили по Риму, одежда на людях, прически – все было в диковинку – сплошные раритеты! Таких тачек сейчас

днем с огнем не найдешь. И мотороллер, на котором они ездили – в музей только такой.

Там еще был полуразрушенный стадион – Колизей, он сохранился еще со времен гладиаторов, огромный, весь ажурный, состоящий из одних арок.

Ну и девчонка там была ничего, красивая. Женька на нее чем-то даже похожа. Димон прикинул: если Жене сделать такую стрижку и так же глаза подвести – будет очень похоже. Он бы с ней тоже так не отказался погулять по Риму.

А если честно, то в тот момент он все бы на свете отдал, чтобы с ней погулять по этому Риму. А еще лучше покатать ее на мотороллере, как тот парень, пусть и музейном.

Потом они гуляли по набережной, спустились к причалу речных трамвайчиков. Мутные волны плескались на гранитных ступеньках. Димон прикинул свою наличность и предложил прокатиться по Москве-реке.

Было уже холодно, река казалась темной и неприветливой, но трамвайчик был такой симпатичный, внутри должно было быть тепло и уютно, и Женя согласилась. Димон купил билеты, они поднялись на борт. В салоне было неожиданно душно, там было много пассажиров, и они вышли на палубу.

Трамвайчик вырулил из тени на середину реки, и на палубе сразу стало солнечно и тепло. Они плыли по самому центру Москвы. Вот Кремлевские стены и златоглавый купол Ивана Великого, вот справа проплывает мощная громада Храма Христа Спасителя. Вдали в осенней дымке видне-

ются очертания строящихся небоскребов Москва-Сити.

– Ты бы хотел работать в этих небоскребах? Я просто мечтаю, что буду когда-нибудь работать в крупном издательстве, и офис будет находиться именно в таком небоскребе на 51-м этаже. Или на 101 этаже. Даже лучше если на 101 – м – фантазировала вслух Женя, – хотя это неважно на каком. Главное, чтобы главным редактором. Какого-нибудь журнала, пусть даже самого небольшого.

Димон слушал ее, но думал о другом. Совершенно неожиданно для себя самого, оказавшись рядом с Храмом Христа Спасителя, он сказал про себя:

– Господи, если ты есть, сделай так, чтобы мы с ней оказались когда-нибудь в Риме. И вот так же ходили по нему, как сегодня в кино. Мне ничего больше не надо.

Огромные стены величественно проплыли мимо, Димон подумал, что если просишь чего-нибудь у Бога, то надо, хотя бы, перекреститься. Но креститься он не стал, хотя крест носил, как велела мама, всегда. Что толку креститься, если все равно не сбудется!

Стоя на корме, они теперь болтали, словно знали друг друга давно. Женя жила с матерью. Без отца. Где он, что с ним, Димон не стал выпытывать, у них в классе таких семей сколько угодно, у всех по-разному.

Мать – художница, раньше была известная, сейчас – нет. Почти не работает, заказы получает редко. Два года назад умерла бабушка, теперь они сдают ее квартиру плюс Женю-

кина зарплата – вот так живут.

Женя хочет накопить денег и поехать в Штаты. Там сейчас учится их бывший жилец – Макс. Он снимал у них квартиру, приехал из Питера, а сейчас уехал в Штаты, там учится. Жене он из Штатов звонил раньше очень часто, а теперь редко, наверное, учеба много времени отнимает.

– Да он там себе давно нашел другую, – хотел ей сказать Димон, – при чем тут учеба? Так не бывает, что сначала учеба не мешает, а потом вдруг стала мешать. При чем тут учеба?

Но так у него хватило ума не говорить.

– Так он тебе приглашение, что ли прислал? – спросил он. А ты ему почему не звонишь?

– А чего звонить? Все равно денег нет, на что ехать? Вот накоплю и позвоню.

– А он, это... ну, в общем, тебе нравится? – выговорил с трудом Димон.

– Чего-о? Маленький еще – такие вопросы задавать. Ничего не нравится, просто в Штаты хочу поехать. Интересно посмотреть, а знакомых там никого нет.

Потом они вышли на берег, замерзшие и оглохшие от речного ветра и шума мотора. В кафешке выпили по чашке зеленого чая, на большее у Димона все равно не хватило бы денег. Потом он проводил ее домой, в Матвеевское.

Время было еще не позднее, но приглашать к себе Женя его не стала.

– Я тебя после приглашу, сейчас устала, и мать дома. Не хочу. Потом, ладно? А пока что, вот тебе за то, что ты такой хороший мальчик.

Она встала на цыпочки, обняла его за шею и поцеловала в уголки губ. Сначала справа, потом слева.

– Смотри, завтра в школу не проспай, философ.

Щелкнул замок двери, и Димон остался на лестнице один. Теперь он не побежал через три ступеньки, силы внезапно кончились. Он вызвал лифт, с трудом дождался, когда тот довезет его до первого этажа, вышел на улицу и без сил опустился на знакомую скамейку. К счастью, бабулек уже на скамейке не было.

Глава 11. Тест на окупаемость

Была среда. По средам после уроков обычно был классный час. Он, как правило, проходил быстро: классная объявляла, сколько еще денег надо сдать на школьные нужды, подводились итоги текущей успеваемости, староста делала слабые попытки привлечь народ к общественной работе и т. д. и т. п.

Сегодня на классный час пришла школьный психолог – Эльвира Николаевна. Ее обязанностью было проводить среди школьников различные тесты, результаты которых потом она почему-то никогда и никому не объявляла. Народ ее не особенно жаловал за это, так как подозревали, что изо всех этих тестов она делала далеко идущие выводы, которые потом ложились на стол директору и завучу.

Сначала все отвечали на вопросы честно, а многие даже и очень откровенно. Всем хотелось узнать о себе что-то, что еще самому пока неизвестно, но вскоре многие разочаровались. Старшеклассники почти поголовно стали писать в ответах явный бред, как бы предлагая Эльвире Николаевне научно объяснить их, мягко скажем, неординарные взгляды на жизнь.

Из ответов особенно хулиганских можно было сделать выводы о том, что в старших классах развито идолопоклонство, а школьники одержимы различными маниями, из которых

мания величия и вампиризм были самыми безобидными.

Эльвира, конечно, была не душой, все прекрасно понимала и составляла тесты все хитрее и хитрее. Детишки могли, конечно, считать себя самыми умными, но с законами и тайнами психологии знакомы все-таки не были. Им было невдомек, что самыми важными для школьного психолога были не те вопросы, на которых они отводили душу, пугая и шокируя ее своими дикими ответами.

Нет, самые каверзные вопросы, из которых то и выглядывали их наивные души, эти вопросы-то как раз и не привлекали внимания. Все, что нужно было узнать, прояснялось исподволь, на фоне никому не нужных и даже глупых вопросов, которые хитрая Эльвира расставляла специально для приманки. Таким образом, все были довольны: детки шалили вволю, а психолог успешно их изучала.

В этот раз Эльвира Николаевна выглядела торжественно и начала разговор так, как если бы перед ней был не 10 Б класс, а члены какого-нибудь VIP-клуба.

– Друзья, – сказала она торжественно, – сегодня вы будете писать необычный тест. Его меня попросили провести спонсоры университета, где я когда-то училась, выдающиеся представители наших отечественных бизнес структур. Многим тест может показаться шутивным, тем более, я знаю, что у нас есть ребята с юмором, но прошу вас отнестись к делу серьезно.

– А сколько они нам заплатят за это? – раздался голос Ва-

дика Чудновского, – если это бизнес структуры, то пусть заплатят нам, сейчас любая информация стоит денег.

Класс привычно заржал, зная манеру Вадика провоцировать учителей дурацкими вопросами. Но Эльвира Николаевна не растерялась.

– Хороший вопрос, Вадим, – она, как будто ожидала этого, – эту работу сегодня пишет несколько школ, авторы лучших ответов получают приглашение на собеседование к нашим спонсорам на предмет последующего обучения и трудоустройства. – Она помолчала и негромко добавила:

– Если честно, то я очень завидую тем, кто победит в этом конкурсе. Я немного слышала об этих людях и знаю, что работать у них мечтают лучшие специалисты мира. Это очень и очень состоятельные люди.

Класс притих. Некоторые даже вынули из ушей наушники плееров. С плеерами и мобильными в школе одно время велась настоящая война. Началась она с того, что в старших классах вместо бумажных записочек стали писать друг другу эсэмэски. С одной стороны, конечно, дороже, чем записочки, но и плюсы были.

Во-первых, учитель не перехватит и не прочтет перед всем классом твое любовное послание, как уже несколько раз бывало.

Во-вторых, круто. В ногу со временем.

Скоро эта мода перекинулась на средние классы, а потом и малышня подтянулась. Учителя стали бороться, пресекать

и, таким образом, подлили масла в огонь. В дополнение к первым двум аргументам добавился третий:

Назло. Или «А что вы мне сделаете? Мобильник моя собственность и денег стоит. Отбирать не имеете права!?»

Горыныч вынужден был даже издать приказ о запрете пользоваться мобильными телефонами, но умные головы тут же изобрели ответный ход. Мобильный стали использовать как плеер и демонстративно сидели на уроке с наушниками и с умным видом, и готовым ответом: «Мне во время контрольной музыка помогает сосредоточиться».

Некоторые учителя сдались и просто перестали обращать внимание на такие вызовы, некоторые бесились и продолжали отбирать телефоны, но война кончилась так же неожиданно, как и началась. Сама по себе: как наводнение или землетрясение. Писать на уроках эсэмэски стало немодно, да и дороговато все же! Плеер в ушах на уроке стало тоже как-то немодно и опасно, выгнать могли тут же. И только на классном часе самые преданные поклонники Димы Билана и Тимати продолжали демонстративно наслаждаться музыкой.

Димон только один раз видел реальную пользу от телефона на уроке. По русскому писали изложение, и Вадик догадался записать училку на диктофон, когда она четко отделяя слова, диктовала тургеневский текст. Потом он через Bluetooth перекачал файл всему классу, и народ, вставив наушники, изложил в тетрадях записанный текст – слово в слово.

Учительница была поражена несказанно! Ей до сих пор, кажется, так никто и не верит. За 30 лет работы в школе она не видела никогда, чтобы три страницы сложнейшего текста Тургенева были изложены классом с такой немислимой точностью, практически слово в слово!

Эльвира раздала по столам листочки с заданиями. Димон бегло пробежал глазами тест: ничего особенного – обычные вопросы, на некоторые из них он уже когда-то уже отвечал.

Сколько карманных денег бывает в вашем распоряжении? Каковы цели, на которые вы расходуете карманные деньги?

Какие товары вы хотели бы купить, если бы имели достаточно денег для этого?

И тому подобное. В листочках надо было отметить квадратики, соответствующие выбранным ответам из нескольких возможных.

С этой частью Димон справился быстро. Денег у него больших не бывает, тратит он их преимущественно на булочки и газировку после школы. Если хватает, то и на пиццу.

Чушь, конечно, собачья! Ну, как было объяснить в коротких ответах, что деньги он зарабатывает сам, оказывая разные услуги в Сети? Как объяснить, что половину этих заработков он тратит в той же Сети на поддержку и рекламу своего маленького бизнеса, что из оставшихся отдает часть Михе? Что самому Димону остаются, в общем-то, крохи, как раз на булочки, ну, может, чуть больше. Таких вопросов никто

не задавал, поэтому, чтобы голову не ломать, ответы Димон дал на все стандартные.

Вторая часть предполагала развернутый ответ на такой вопрос: предложите проект такого вложения денег, который бы гарантировал бы их максимально быструю окупаемость. Димон два раза перечитал вопрос: такого у него еще не спрашивали...

По-видимому, ребята одновременно подошли к этой части задания, потому что заговорили все сразу.

– Да были б деньги, а уж потратить то я их смогла бы.

– Чего-чего, а с этим у нас проблем нет.

– В недвижимость вложу!

– Да где их взять то, денежки?

– А я бы акции купила!

– Тишина в студии, – прикрикнула Эльвира Николаевна, – каждый пишет сам. Только помните: надо не просто потратить деньги, а вложить их и притом приумножить. Здесь от вас потребуется креативность мышления! Сейчас это очень высоко ценится.

– А что это такое – «креативность», – тут же спросил Вадик.

– Креатив – это новая идея. Надо такое придумать, до чего еще до вас никто не додумался.

– Вот это да. Это круто, – подумал Димон, – вот оказывается, что такое креатив. – Он до сих пор думал, что «криатифф» это новый пост на форуме также как «камент» – это

ответ на него.

– Хотите, значит, чтобы никто не додумался? Понятно. Значит, всякие там акции, всякая там недвижимость, авто-салоны это не подойдет. До этого уже додумались. А что подойдет? Надо что-то продать всем, чтобы все покупали. Вопрос – что?

Продукты? Нет, их и так все покупают, куда денешься – есть то всем хочется. Пиво, водка? Нет, это не креатив. Нашел тоже креатив! Ничего нового тут нету. Круглосуточно продают все кому не лень. Золото? Опять не то.

Наркотики, оружие? Нет, это, вообще, не в ту степь.

Машины, квартиры, дачи? С утра до вечера рекламируют по телеку, какой тут может быть креатив?

А сколько денег-то дают, Эльвира Николаевна? Сколько вложить то можно, – спросил Димон, поняв, что зашел в тупик.

– В рекомендациях к тесту этого не сказано. Ну, считайте, например, что миллион долларов.

– Сколько-сколько? Миллион долларов?

Некоторые ребята уже стали сдавать работы. По их равнодушным лицам было видно, что на второй вопрос они ничего путного не ответили. Услышав про миллион долларов, некоторые встряхнулись, захотели вернуться, но потом, махнув рукой, вышли из класса.

– Думай, думай, – шептал сам себе Димон, – Значит, на чем делаются деньги? За что люди готовы платить? Любовь

и голод правят миром, кто это сказал? Неважно, да и при чем тут голод?

Уже ясно, что продукты – не креатив. Пиво – тем более не креатив. Естественно. Так. Что еще правит миром? Насилие, страх. Так.

Страх. Страх – значит страхование. Нет, опять не креатив. Додумались сто лет назад. Полис покупаешь и – привет. Страховых компаний – пруд пруди. Чего люди боятся? Болезни, войны, наводнения, грозы, аварий, самолетов. Стоп. Грозы боятся. Ну, так купи ту же страховку или поставь громоотвод.

Вот! Громоотвод! У нас, на даче то нет громоотвода. Мама сколько раз просила отца. Летом страшно бывает. Иногда как сверкнет, а потом как долбанет, так не по себе становится, просто душа в пятки.

Отцу некогда, да и лень заниматься, выходные тратить. А громоотводов ни у кого нет, между прочим. Значит, всем надо поставить громоотвод. Сколько он стоит? Да ерунду, наверное. Кстати, что это такое?

Димон достал коммуникатор, вошел в Сеть, задал в Гугле поисковый запрос «громоотвод».

– Все ясно. Это же просто железный прут, а продать можно за штуку баксов свободно. Так, отлично. А сколько в Подмосковье дач, деревенских домов? Сотни тысяч, так что если с каждого громоотвода хотя бы 400 баксов прибыли, то это очень даже хорошо может получиться.

А с богатых можно брать и больше! Им не от пожара, им свои электросети надо защищать, розетки, компьютеры, да мало ли чего! В каждом доме сейчас техники на тысячи долларов. Надо им только все это хорошо разъяснить! Что если не поставишь защиту за 1000 долларов, сторит все на миллион!

Вот, он – креатив! Хорошенький такой креативчик получается! Интересно, коттеджи сейчас продают с громоотводами уже или нет? Ладно, неважно, и без коттеджей дел хватит.

Димон увлекся. От такой перспективы захватило дух. Он уже видел, как десятки фирменных «Газелей» с бригадами рабочих снуют по Подмосковию. Каждая бригада монтирует по 3, (нет по 5!) громоотводов в день. Чтобы успеть сделать 5 установок, надо распределять бригады по районам, даже лучше по населенным пунктам. Сегодня делаем в этом поселке, завтра в том и так далее.

А что! Все реально! Рекламу дать на районном радио, в районных газетах, там должно стоять недорого, подключить к пропаганде местные пожарные инспекции, МЧС, это в их интересах тоже. Такое дело завертится!

Хорошо, теперь все это надо записать. Времени особо расписывать нет, надо коротко, там люди умные – поймут. Главное – суть, главное – чтобы поняли. Тут не миллион, тут в сто раз больше можно вложить, ведь страна большая, не только в Подмосковию с громоотводами проблемы.

Народ уже почти весь разошелся, сдав свои работы. Оста-

лись Димон и Вадик. Эльвира Николаевна не торопила их.

– Сколько еще времени осталось? – вскинул голову Димон.

– Не торопитесь, пишите. Буду вас ждать, сколько придется. Я так хочу, чтобы у вас все получилось!

Потом уже, когда они вышли из школы, Вадим спросил Димона:

– Ну, ты о чем писал?

– О громоотводах А ты?

– Я? О казино! А при чем тут громоотводы?

– А хрен его знает, может и ни при чем? А для казино разве миллиона хватит?

– Нет, кажется, а о чем еще писать то? Где еще бабки делают? Только в казино!

Глава 12. Что такое Пи

Опыт братьев Филиных был быстро взят на вооружение. Инструктаж проводил лично сам Бабуин.

– Короче, так, пацаны. Если говоришь, что деньги нужны для школы, на учебу там или на книжки, то дают всегда. Прямо подходите и говорите, дайте, мол, сколько можете на тетради. Негде, мол, уроки сделать. В-а-аще, без базара дают. Поняли, короче, все?

Толик Бабинов по кличке Бабуин по возрасту должен бы быть в одиннадцатом классе, но в школу он не ходил. После девятого класса расстался со школой безо всякого сожаления, поступал в какие-то училища, но нигде долго не продержался. То ли платить за него родители не стали, то ли и за деньги такое сокровище никому было не нужно, никто этого не знал.

Бабуин слонялся по дворам, разбойничал помаленьку, отбирая у пацанов карманные деньги, приторговывал ворованными мобильниками.

Одно время его пригрели мужики у гаражей, Он им помогал, бегал за пивом, но и там нашкодил, что-то украл, и его, надавав по шее, изгнали.

Сейчас Бабуин верховодил у супермаркета, пользуясь тем, что парковка там была не охраняемая, и у покупателей можно было выщыганивать деньги разными способами. В подчи-

нении у него было около десятка пацанов, он лично делил собранную выручку и не пускал на территорию конкурентов.

Дела после внедрения опыта братьев Филиных действительно пошли гораздо лучше. Выручка увеличилась в несколько раз. Пацаны уже переели чипсов и сухариков, перепили колы и всякой другой отравы до резей в животе и прыщей на лицах. Самые экономные уже начали копить на новые телефоны, а кое-кто уже задумывался о скутере.

...Бабуин издали заметил огромный джип, темно-синий Лексус, который плавно как океанский лайнер свернул с дороги на паркинг супермаркета. Из него вышел господин, одетый не просто хорошо, хорошо сейчас одеты многие. Такое было впечатление, что свой шикарный оливковый костюм он купил в роскошном бутике пять минут назад. Все – от тужурки до галстука было с иголочки, новенькое, чистенькое и идеально отглаженное. В их районе таких господ еще не было. Да и машин таких тоже.

Господин вышел из задней двери Лексуса, из чего опытный Бабуин сделал вывод, что хозяин машины именно он, а водитель остался его ждать. В магазине господин пробыл недолго и вышел с небольшим пакетом. Бабуин привычно подбежал к нему и занял:

Дяденька, выручите, сколько сможете. Завтра контрольная, а ни ручки, ни тетрадки нет. И купить не на что!

Господин внимательно посмотрел на Бабуина, после этого сел в машину и приоткрыл затемненное окно. Бабуин стоял

на месте, преданно по-собачьи глядя ему в глаза.

– Дяденька, честно говоря, на учебу деньги нужны! – уже настырнее повторил он.

Окно открылось пошире, из прохладных недр Лексуса пахнуло дивным ароматом, и красивый баритон произнес:

– Юноша, я готов предложить вам сто долларов, если вы скажете мне, что такое число Пи. Вы, как примерный ученик, должны это знать.

Из окна показалась ухоженная рука с зажатой меж двумя пальцами зеленой бумажкой с большим портретом.

– Что такое что? – заискивающе пискнул Бабуин. От волнения голос у него пропал.

– Что такое число Пи, – повторил господин, – Знаете?

Не зря Бабуин был главарем. Когда нужно, он быстро ображал, быстрее других. Он моментально принял решение:

– Сейчас, дяденька, сейчас, – залепетал он и лихорадочно замахал руками, призывая всех дружков, кто был рядом, срочно подойти. Господин терпеливо ждал, когда к машине подойдут еще несколько пацанов.

– У вас у всех тоже завтра контрольная? – невозмутимо спросил он, – Тогда вопрос всем: Что такое Пи? Награда за верный ответ – вот это.

Так что? Никто не хочет стать миллионером? – и он двумя пальцами пошевелил зеленую с большим портретом бумажку.

Бабуин испепеляющим взглядом обвел пацанов.

– Ну? Вы че? Реально не знает никто? Кто знает, быстро говорите! Сто баксов!

Пацаны отворачивались, смотрели в небо. Пауза затягивалась. Ситуацию разрядил непонятно откуда взявшийся, словно выросший из-под земли бомж.

– Командир, – прохрипел он, – я хочу стать миллионером, у меня тоже завтра контрольная. Я в натуре отличник. Круглый.

– Ну, если никто больше не знает, давайте вы.

– Пи есть отношение длины окружности к ее диаметру, равняется три целых, четырнадцать сотых, – прорычал хрипло бомжара, – гони бабки, командир.

Холеные пальцы разжались, бомж ловко выхватил купюру и исчез, как под землю провалился, мгновенно и бесследно. Тонированное стекло плавно закрылось, и темно-синий Лексус бесшумно отчалил от обомлевших ребят.

Некоторое время все стояли в оцепенении, первым очнувшись Бабуин.

– А-а-а! Где он? – заорал Бабуин. Где он? Найду – порву уroda. Он мои сто баксов украл! Всем искать синяка, кому сказал!

Но образованного бомжа уже давно не было поблизости. Он прекрасно знал, чем для него могла кончиться эта стычка.

Потом об этой истории, конечно, поползли различные слухи. Различались они формой награды, которая доходила

в отдельных версиях до тысячи долларов. В соседних дворах наградой были и золотые ручки Паркер, и часы Ролекс. Чуть ли не сам Лексус были готовы отдать Бабуину за доблестные знания!

Сам Бабуин всем гордо рассказывал, что он с бомжом ответил почти одновременно, но деньги почему-то достались презренному бомжу. Рассказ каждый раз оканчивался клятвой найти бомжа и покарать его. Не менялось только одно: суть вопроса.

Теперь все от мала до велика, включая, кстати, и Бабуина, знали, что Число Пи есть отношение длины окружности к ее диаметру. В сладких снах Бабуин видел теперь темно-синий Лексус, изящного господина в нем и вопрос, на который он отвечает с блеском!

Неизвестно почему, но вскоре после этой истории, паркинг возле супермаркета за один день обнесли оградой, выставили охрану, и заработки Бабуиновой бригады на этом прекратились.

Охрана стала зорко следить за тем, чтобы уважаемых посетителей больше никто не беспокоил.

Глава 13. Чем питаются роботы

Осень выдалась для Димона беспокойная. Он нахватал заказов, набрал авансов и ничего не успевал. Заказчики платили деньги, требовали сроки и качество, но уроки никто не отменял, в школу ходить было нужно. А деньги были тоже нужны. Нужно было отдавать долги.

В Сети работы навалом. Если не заламываешь цены, заказчики всегда найдутся. Самая простая работа – накликивание. Тебе дается несколько сотен или даже тысяч сайтов, и твое дело сидеть хоть целыми сутками и просто их посещать.

Если имеешь безлимитный интернет, дело только в твоей усидчивости: зашел – вышел, кликаешь на следующий адрес. Опять зашел – вышел. За каждые 1000 таких посещений получаешь 5 долларов.

Эту работу Димон называл «обезьяньей». Он где-то прочел, что если взять бесконечно большое количество обезьян, посадить их за пишущие машинки и заставить стучать по клавишам бесконечно долгое время, то рано или поздно у одной из обезьян на листке получится сонет Шекспира.

Каждый раз, когда он садился за такое накликивание, он представлял себя одной из обезьян в этой бесконечной стае, разбросанной по всему миру. Как и он в Москве, сидят такие же трудолюбивые обезьяны в Праге, Норильске, Каире, Мехико и тысячах других городов и кликают, и кликают свои-

ми мышками.

Сайты, у которых низкая посещаемость, благодаря таким трудолюбивым обезьянам, получали нужный им трафик, поднимали свой рейтинг, вообще поднимали свой авторитет. А чем выше авторитет, тем больше стоит реклама на таком сайте. Неопытный рекламодатель не разберет, что трафик накрученный, и никто не докажет, что авторитет этот дутый, купленный, но если есть спрос, есть и предложение. В Сети много фирм, которые находят такие сайты, находят таких как Димон, объединяют их устремления и – вперед!

Нужен трафик? Обеспечим! С заказчика 7 долларов, «обезьяне» 5 долларов, себе 2 доллара. Monkey business! – он где-то слышал это выражение, но суть его понял только, когда сам стал этим заниматься.

На ступеньку выше стоит более квалифицированная профессия, называется линк-менеджер. В его обязанности входит обеспечивать не посещения сайта, а ссылки на этот сайт. Чем больше сайтов разместили у себя ссылки на твой сайт, тем выше ТИЦ твоего сайта, а чем выше ТИЦ, тем дороже ценится твой сайт. Причем дороже не в переносном, а в самом прямом смысле слова. Реклама, которую ты можешь продать на своем сайте тем дороже, чем выше его посещаемость, а посещаемость во многом зависит от ТИЦ. Поэтому все и молятся на этот ТИЦ.

А как поднять ТИЦ? Как убедить другие сайты размещать ссылки на твой сайт? Это должен знать линк-менеджер, ему

за это платят. Димон кое-что знал об этом.

Есть много способов разместить ссылку на свой сайт. Самое простое – предложить другому владельцу сайта поменяться ссылками: вы даете ссылку на меня, а я на своем сайте дам ссылку на вас. Очень хлопотное дело – эта переписка.

Ну, во-первых, хозяин другого сайта тут же посмотрит на ваш ТИЦ и если он ниже, чем у его сайта, либо не ответит, либо ответит и откажет. Невыгодный обмен. Это, как если бы вы предложили рассказать о вас в программе «Время», а вы бы в обмен на это рассказали всем своим знакомым, что есть на ТВ такая интересная программа «Время». Ну, и кому это надо?

Во-вторых, неизвестно, как Яндекс, а именно эта поисковая система присваивает ТИЦ каждому сайту, как Яндекс расценит этот обмен. Ведь что такое поисковая система? Это Главный Алгоритм, который постоянно анализирует Сеть. У него есть многочисленные роботы-пауки, которые день и ночь обходят Всемирную Паутину и снимают оттуда всю нужную информацию.

Вся информация накапливается в Главном Алгоритме и уже он, этот Главный Алгоритм принимает решение, что выдать клиенту при его поисковом запросе так, чтобы клиент нашел на первой же странице именно то, что искал.

Ужасно сложная задача стоит перед этим Алгоритмом. Ведь, по сути, машина должна понять человека, понять его мысль! Тут человек человека понять то никак не может, а

как быть роботу?

Так вот, роботы, которые обходят все-все сайты, наверняка зафиксируют, что два сайта обменялись информацией, а Главный Алгоритм наверняка учтет это обстоятельство в своих выводах.

Она первым делом подумает, а для чего был сделан такой обмен? Это дружественные сайты, которые хотят сообщить своим посетителям о своих сайтах-друзьях? А, может быть, между этими сайтами нет ничего общего, и они просто договорились, чтобы вместе обмануть и роботов и Главный Алгоритм?

Машина, алгоритм, робот – это все лишь машина, алгоритм и робот. Пока они еще несовершенны, и обмануть их еще можно.

Грубо говоря, как рассуждает Главный Алгоритм? Он придает очень большое значение тому, Кто и Как ссылался в Сети на ваш сайт.

«Кто», в свою очередь, определяется исходя из очень многих факторов: это и о чем сайт, и каков его ТИЦ, и сколько сайту лет, и кто его владелец (в Сети секретов нет), и многое другое.

«Как» ссылались, тоже понятие многозначное. Могли просто написать: мой друг сделал отличный сайт о велосипедах. И все. Это одно. При этом, если еще вы так написали у себя в блоге или на своем сайте, посвященном истории древней Греции (ну увлекаетесь вы Древней Грецией!), то Глав-

ному Алгоритму это вряд ли сильно понравится. Он, скорее всего, заподозрит, что его хотят провести и не придаст большого значения такой ссылке. Ведь ему прекрасно известно, в Древней Греции на велосипедах не ездили!

А вот если у вас мощный, многостраничный сайт о велоспорте и обо всем, что с ним связано, и вы, оценивая современный интернет, отругали или похвалили (пока еще Главному Алгоритму это неважно) велосипедный сайт вашего товарища, тогда Главный Алгоритм, скорее всего, сочтет, что этот велосипедный сайт заслуживает ее внимания, и будет полезен человеку, задавшему вопрос на велосипедную тему.

Всем велосипедным сайтам очень хочется, чтобы при запросе «велосипед» Яндекс выдал их в первой десятке, в ТОР 10. Ведь все знают, что при поиске 70 процентов людей находят то, что им нужно на первой странице серпа, то есть выдачи. На вторую, а уж тем более третью страницу заходят единицы! Значит, надо так расставить ссылки, чтобы Главному Алгоритму это понравилось. Но факторов так много, а Яндекс так сильно охраняет секреты своей Главной Программы, что действовать приходится вслепую.

В чем-то это напоминает азартную игру. Угадал прихоти Главного Алгоритма, скормил ему то, что ему нравится, вошел в ТОР 10, заработал. Не угадал – потерял и время, и деньги.

Когда Димон рассказывал обо всем этом отцу, тот удивлялся и иногда давал неожиданные комментарии.

– Значит, все они желают странного, – загадочно сказал он однажды.

– Кто они, пап? – спросил Димон.

– Ну, эти, кто пытается разгадать Главный Алгоритм.

– А почему «желают странного»?

– Почитай Стругацких «Вспомнить все». Там тоже надо было изучать незнакомые устройства, а изучение сводилось к тому, чтобы тыкать пальцами во все дырки, какие только было возможно. Засунул раб палец в одну дырку, машина поехала прямо, вынул палец, машина остановилась. Очень хорошо, записали результат. Другой раб засунул руку в другую дырку, а машина взяла и отрезала ему руку или испепелила его на месте. Тоже записали, нельзя в эту дырку палец засовывать. Тоже хорошо. Отрицательный результат тоже результат. Так вот они и изучали эти машины. Как примерно вы, только без жертв.

– Да какие тут жертвы, тут же виртуальные роботы. Меня недавно самого за такого робота приняли.

– Это как так? – не понял отец.

– Попытался тут, понимаешь, обойти одну хитрость в поисковике. Раз сунулся, два сунулся, а на третий раз он мне отвечает: извините, но Вы робот.

– Погоди, значит, один робот тебя, человека, принял за своего? Получается, что ты вошел, так сказать, к роботам в доверие?

– Получается так, пап. Только в НЕ доверие, он меня вы-

числил. Робот принял меня за робота и отказал в доступе. Вот как.

– С ума можно сойти. Ты, сынок, поосторожней там, с этими роботами. Ты бы лучше погулял что ли. В футбол, что ли, во дворе поиграл? Так и крыша может поехать. Ты хоть сам-то понимаешь, что ты не робот?

Но Димону уже понравилось дурачиться:

– Да пап, все это давно реально. Все мы роботы, люди, все мы живем в Сети. Люди кормят роботов ссылками, а те их за это выводят в ТОП. Ссылки давно уже не предназначены для людей, в основном, ими питаются роботы. Ты немного отстал от жизни.

Димон рассказал отцу о ссылочных биржах, сайтах-сателлитах, о том, как на них продают и покупают ссылки. Только не для людей, а опять же для роботов.

– У меня, кстати, тоже есть свой личный робот, и он делает для меня кучу работы.

– Что за робот?

Понимаешь, в Сети есть тысячи каталогов, в которые можно занести свой сайт совершенно бесплатно, это, правда, займет некоторое время, но робот-то на что? Я недавно купил такой робот, в смысле программу, она со всеми каталогами связывается, переписывается, экономит много времени. Вручную можно так закопаться в переписке!

Глава 14. Как понравиться Главному Алгоритму

На самом деле, был и четвертый способ понравиться Главному Алгоритму. Он был самым трудным. Надо было просто делать свой сайт интересным, полезным и удобным для человека. Не для робота, а для человека.

Настолько интересным, чтобы другие сайты перепечатавали твои материалы. Ведь написать хорошую статью, интересную читателям очень непросто, а если кто-то уже написал такую статью, то поместить ее у себя на сайте – минутное дело! И, самое главное, что автор статьи чаще всего не обидится на такое заимствование, он не потребует за это никакой платы. Просто поставь ссылку, что автор такой-то, а статья взята с такого-то сайта. Главный Алгоритм, кстати, именно на такое и рассчитывает, когда придает сайту тот или иной ранг, но люди хитрые, хитрее программы.

Димон на собственном опыте видел, что обхитрить Главный Алгоритм становится все сложнее, она тоже учится у людей, учитывает свои ошибки и даже предугадывает людские хитрости. Еще несколько лет назад можно было творить такие, например, чудеса. На сайт Буша однажды хакеры сговорились и наставили столько ссылок со словом «Идиот», что Главный Алгоритм запутался и поверил людям.

Он стал считать, что этот сайт об идиотах и даже посвящен главному идиоту, ведь ссылок было так много! Это был скандал! При запросе «идиот» на первом месте выдавался сайт Буша!

Каково ему было? И самое интересное, что он то ничего с этим не мог поделать, на Главный Алгоритм в суд не подашь! Он просто отражает господствующее в Сети мнение.

Все это Димон знал. В душе он стоял все-таки за четвертый путь, это было честнее. В женском журнале он часами спорил с сисадмином Лехой о путях продвижения сайтов. Леха был непреклонен.

– Пойми, Димон, это рынок, это конкуренция, – говорил он, – вот если ты о природе пишешь, о птичках каких-нибудь, там особого бабла не крутится. Там на тебя, может, и ссылку поставят бесплатно, как ты хорошо природу охраняешь! И то – неизвестно еще. А вот если ты ноутбуки продаешь, ты можешь, хотя бы, представить себе такого ненормального, который бы на тебя поставил линк и при этом бы не попросил с тебя за это денег? Я лично не представляю. Дурак будет тот, кто так просто тебя будет рекламировать.

Димон соглашался. В конце концов, пусть у Главного Алгоритма голова болит, как отличить честную ссылку от покупной. Но один раз ему удалось доказать свою правоту, это был смех да и только!

Они с Лехой как-то заговорили о том, что по телеку все сообщают позднее, чем в Сети. Телевизионщики все берут

из Интернета, и выдают за свое.

– Вот ты, можешь такое написать в Сети, чтобы тебя по телеку цитировали? – провоцировал Леха, – вот тогда я поверю, что есть бесплатное цитирование. Потому, что на телевидении реклама – самая дорогая, там за бесплатно ничего не сделают.

В итоге получилось вот что. Димон уже ушел из журнала, но давнишний спор не выходил у него из головы. На одном телевизионном канале регулярно передавали гороскопы. Дикторша с доброй и немного виноватой улыбкой рассказывала, что можно и чего нельзя делать на этой неделе Тельцам, Девам и прочим Козерогам.

Откуда они берут эту инфу? – задался вопросом Димон, – не сами же такую хрень пишут? Он поискал недолго и вскоре нашел сайт, где тот же текст был вывешен практически без изменений.

Очень хорошо. Но одному ему доказать силу интернета было невозможно, пришлось привлечь и самого Леху тоже.

Димон написал прикольный текст, где Тельцам на неделе не рекомендовалось мыться в ванной, а только под душем (иначе можно утонуть). Овнам категорически запрещалось на неделе приближаться к домашним животным во избежание возможного их нападения (котов, он рекомендовал вообще закрывать в туалете на ночь). Водолеям не следовало всю неделю пользоваться лифтом и тому подобную несусветную чушь.

Леха вставил этот бред на отдельную, тайную страницу их журнала, а Димон вывел эту страницу на 3-е место по запросам «Гороскоп на неделю». Главный редактор, разумеется, ничего не знала об этом хулиганстве, страница была спрятана от людей, но роботы ее, наверняка должны были увидеть и сообщить Главному Алгоритму!

Через три недели мышеловка захлопнулась! Добрая дикторша по телевизору сообщила и про душ, и про домашних животных. Выглядела она при этом чуть менее уверенно, чем обычно, да и редакторы на канале, все-таки поработали: про котов в туалете у них хватило ума в эфир не пускать. Но спор Димон выиграл, хотя и частично. Победу они отмечали в кафе.

– Все равно, я прав. Они наш журнал не процитировали! Не сказали, что у нас своровали! – хохотал Леха.

– И, слава богу, что не процитировали, – благоразумно отвечал Димон, – тебе что, жить надоело?

Глава 15. Долги

Главный долг, который всю осень не давал ему покоя, был сайт Гудвина. Димон давно уже вышел из бюджета, который сам же два месяца назад запросил. А что было делать? Деньги были нужны, а на конец лета конкуренция в этой тематике была небольшая, и Димон верный своему принципу не заламывать цены, запросил бюджет немного ниже расчетного.

– В конце концов, заработаю немного меньше, но мне хватит, – думал он.

Но вышло по-иному. С наступлением осени конкурентов у гудвиновской фирмы изрядно прибавилось, и продвигались эти сайты-конкуренты опытными людьми, так что приходилось вкладывать свои деньги, заработанные на других проектах.

А Гудвин прессовал, звонил каждую неделю, угрожал. Наконец, вложив собственные деньги, равные примерно двум бюджетам, которые он получил от Гудвина, Димон вывел гудвиновский сайт на девятое место.

Он тут же написал Гудвину, попросил или увеличить бюджет в связи с ростом конкуренции, или предлагал расторгнуть соглашение. Гудвин ответил не сразу, позвонил только через два дня и назначил встречу.

На этот раз в вонючей гудвиновской Ауди сидело двое: Гудвин и еще один – в спортивном костюме. Второй сидел

на заднем сиденье, курил и молчал.

Гудвин соглашался увеличить бюджет но не сильно. Димон доказывал, что конкуренция очень выросла, надо минимум в два раза. Ему, честно говоря, вообще не хотелось иметь больше дело с этим Гудвином, надо было запросить бюджет в четыре раза больше, чтобы отстал, наконец, но совесть не позволяла так заламывать.

– Слушай, малыш, – внезапно вмешался в разговор тот, что сидел сзади, – а мне кажется, ты вообще ему должен все бесплатно сделать.

Димон обернулся. Парень на заднем сиденье широко ему улыбнулся, показывая два передних золотых зуба. Димон тоже улыбнулся, давая понять, что оценил шутку. Парень, не переставая улыбаться, взял Димона за плечо и легонько провёл по нему другой рукой.

– Ты же никому не платишь? Верно ведь? – в руке, которой он провёл по рукаву Димона, тускло блеснуло лезвие ножа.

Только сейчас Димон понял, что парень прорезал ему куртку. Не сильно, порез сантиметра 2 не больше.

– Вы что делаете? Охренел ты что ли? Ты мне куртку разрезал! – прошептал Димон.

– Я случайно, а ты ведь не любишь случайности? – нож заплясал прямо перед лицом Димона, – не бойся, маме скажешь, что в метро порвал. Ты понял меня?

Димон помертвел. Это был даже не страх, от страха дро-

жат руки, сосет под ложечкой. Это было оцепенение. Вид ножа не вязался с улыбкой парня, его вежливым тоном. Как будто в кино, все было нереально.

– Давай так договоримся. Ты будешь шефствовать над ним, – парень кивнул на Гудвина, – а я буду шефствовать над тобой. Ну, там смотреть, чтобы тебя никто не обижал, улаживать твои споры, решать твои проблемы.

Димона начало мутить. Надо было срочно выбираться из машины, или вырвет прямо тут, на сиденье.

– А вы кто? – с трудом произнес он.

– А мы местные. Я Костя Червонец. Ну, что договорились?

Димон с трудом, мало чего соображая, кивнул.

– Ну, вот, а ты говорил, что он упрямый. Да он отличный мужик! – сказал парень Гудвину, – ну все, давай, малыш, если я понадобится, звони ему, – он кивнул на Гудвина. – Все, пошел.

Димон открыл дверцу и вывалился из машины. Ауди резко с визгом и пробуксовкой взяла с места и исчезла. Проходившая мимо женщина с неприязнью посмотрела на Димона и сказала:

– Господи. Ты что белый то такой? Совсем снаркоманились все, куда милиция только смотрит?

Дома он ничего рассказывать не стал, слишком невероятным было то, что с ним произошло. Все было похоже на шутку, у него не выходила из головы улыбка того парня. Но по-

рез на куртке был не шуточный, этому придурку с золотыми зубами ничего не стоило и по лицу провести своим ножичком с узким и, по-видимому, очень острым лезвием.

После той встречи две недели Димон еще некоторое время вкладывал свои деньги в сайт Гудвина, потом перестал. Сайт еще месяц держался на 9-10 месте, потом съехал сразу на 3-ю страницу выдачи. Гудвин тут же позвонил, но Димон не стал снимать трубку, снимешь – значит опять встреча, но видеть рожу этого Гудвина да в придачу с его дружкой было омерзительно.

Еще через неделю Гудвин позвонил с другого номера, и Димон снял трубку.

– Димон, ты чего прячешься? Проблем захотел? Почему не работаешь?

– Я с вами работать больше не буду.

– Но ты согласился, Димон. Это не по понятиям. Ты должен теперь отвечать за базар.

В груди у Димона возник холодок. Такой бывает перед экзаменом: и боязно, и нужно идти, никуда не денешься. Вместе с холодком обычно приходила решительность, переходящая в упрямство.

Послушай меня. Я тебе ничего не должен. И работать с тобой я больше не буду. А если рассчитываешь на своего гоблина с ножом, то имей в виду: я на всех сеошных форумах напишу, кто ты есть, и какие у тебя дружки. Твой сайт так завалят, что не починишь. И не звони мне больше, – он на-

жал «отбой».

После этого разговора Гудвин отстал. Без него с деньгами стало полегче, удавалось сводить концы с концами, вовремя выполнять заказы, проплачивать за ссылки, платить Михе.

После случая с Гудвином Димон перестал брать оплату живыми деньгами и полностью перешел на вебмани. В месяц через его вебкошелек проходило около 300 долларов. Это была примерно половина зарплаты его матери, но сравнивать живые деньги, которые приносила домой мать, и его месячный доход было невозможно.

Дело даже не в том, что у матери были живые рубли, а у Димона виртуальные доллары. На вебмани в Сети можно купить что угодно, их можно без проблем и превратить в живые рубли, дело не в этом. Просто у Димона деньги как приходили, так и уходили.

То ли он не научился рассчитывать бюджеты проектов, за которые брался, то ли стеснялся заламывать цены, он не понимал. Ясно было только, что отщипнуть в свою пользу от этих 300 долларов удавалось долларов 60, не больше. Остальное – расходы. Правда, к расходам он полностью относил плату за телефон, интернет, покупку всяких штук для компьютера, у родителей на это он не брал ни копейки. Шестьдесят долларов были именно карманными расходами – на кафешки, на музыку, на встречи с Женей.

Глава 16. Я лучше тебя буду

После того памятного похода в кино они стали встречаться каждую неделю. Женя вела себя с ним покровительственно, иногда даже высокомерно. Димон не возражал: ради бога, если ей это так нравится.

Они шатались по Москве, иногда ходили в «Синий слон», где у нее было много знакомых, и где говорили, в основном, о музыке, и здесь он чувствовал себя полным профаном. Женька же знала о современной музыке все.

Еще в школе она ходила в кружок, где собирались юные журналисты, в прошлом году после школы пыталась поступить на журфак, но не прошла, стала работать в интернет-изданиях, потом ее взяли на постоянную работу в журнал, и мысль об учебе отошла на второй план.

Иногда в школе Димон пересказывал ребятам кое-что из ее лекций и быстро прослыл великим знатоком музыки. Когда при нем, например, говорили о Тимати, он повторял Женькину фразу:

– У нас такие Тимати в оранжевых куртках двор подметают. И, вообще, Тимати это шампунь.

Народ от такой оценки восторженно визжал.

Он несколько раз пытался заговорить о компьютерах, но Женя капризно отвечала, что ей скучно. Димон быстро понял, что Женя это не Леха, и больше с компьютерами не на-

взяывался.

Когда он звонил ей, она всегда отвечала так:

– А, это ты, мой мальчик странный? Ну, как ты себя вел в школе, какие у тебя сегодня отметки? Учительница тебя сегодня хвалила?

Вот это его уже бесило по-настоящему.

Какой он ей мальчик? Он ее младше всего на два года и выше на две головы. И почему странный? Он не знал, как ей отвечать. Принимать предложенную ему роль первоклассника не хотелось, а грубить он не то, чтобы боялся, просто физически не мог. Сказать ей гадость означало сделать больно себе самому, примерно как дать самому себе по носу. Обычно он просто что-то мямлил в ответ, и ее это сильно забавляло.

После встречи с Гудвином он ей, правда, не выдержал, ответил, как он себя вел:

– Я-то хорошо себя вел. А вот один плохой мальчик меня вчера чуть было не зарезал.

– Ай-ай-ай! Какой нехороший мальчик! – тут же весело поддержала игру Женя. – Наверное, вы в школе на переменке играли в ножички с другими мальчиками?

– Угу. – Димон вложил в ответ всю иронию, на которую был способен. – Играли. Там у одного мальчика с золотыми зубками ножичек был хороший. Остренький такой.

– Ну, и ты, конечно, у них выиграл?

– Пока не знаю. Может, и выиграл. Надеюсь, во всяком

случае.

Что-то в его тоне насторожило ее.

– Димочка, ты меня не пугай. Ты это серьезно про то, что резать хотели?

– Да нет, шучу, конечно. А почему ты мне все время говоришь, что я странный?

– Потому, что я сошла с ума.

– Да? И когда же? Давно?

– В среду, в три часа. Но тебе этого не понять, ты еще маленький.

А в конце октября Женя потеряла работу. В журнале ей не заплатили за несколько статей, она стала качать права, и тогда ее попросту выгнали. Нагло, по-хамски выгнали. Отбрали пропуск, вычеркнули из состава авторов, убрали с сайта ее фото и фамилию.

Тогда же выяснилась еще одна проблема: мать Жени пила. Могла держаться, а могла забухать и уйти в запой на несколько недель. Сейчас она взяла за квартиру деньги вперед и уехала на дачу.

– Неужели ей там хорошо одной? – спросил Димон, – самая ужасная погода в конце осени – сыро, дожди, ночи темные, слякоть. Вот зимой я еще понимаю, солнце, морозец, на лыжах можно.

– О чем ты говоришь? – грустно отвечала Женя – Какие лыжи? Ей выпить надо спокойно, и чтобы я ее не доставала.

– Ну, а тебе на что жить то? Она об этом подумала?

– Алкоголики о других не думают, только о себе. Да и о себе тоже не думают, только о водке. Ну, и потом она знает, что я работаю.

– Так ты же больше не работаешь. Как жить то будешь?

– Понятия не имею. Что-нибудь придумаю.

В тот день они ходили в кино, потом гуляли в парке у метро Проспект Вернадского. Несмотря на субботу, народу было немного, стояла дождливая ветреная погода.

– Проводи меня, – вдруг попросила Женя, – совсем замерзла, домой хочу. Только надо купить чего-нибудь к чаю, дома совсем ничего нет. Кстати, чая, кажется, тоже нет.

У метро Димон купил жареную курицу в лаваше, коробку чая в пакетиках, конфеты. После некоторых колебаний купил все-таки пива.

– Тебе взять колы или минералки?

– Купи вина, какого-нибудь сладкого, можно ликера, – ответила она, – ну и колы тоже.

Димон купил еще ликер и колу, на всякий случай прихватил маленькую банку кофе. Она любит кофе, это он помнил с первого их похода в кино.

Продавщица, немного постарше Жени, без вопросов отпустила ему и пиво, и ликер. Она внимательно взглянула на него, потом на Женю, ему даже показалось, что они как-то по-женски переглянулись, и продавщица чуть улыбнулась про себя, тихо так, незаметно.

– Чего это она? – подумал Димон, – знакомая что ли? – Но

виду не подал, что заметил. Да и какая разница? Главное – не придралась, что нет 18 лет, не стала унижать при Женьке.

В квартире он вытер ноги о знакомый половик, сразу прошел на знакомую кухню и положил пакеты на кухонный стол. Потом вернулся в прихожую, помог Жене раздеться, снял с себя мокрую куртку, ботинки.

– Давненько я здесь не был, – весело сказал он, – как же тогда солнце в окно светило! Ты была вся как из золота.

– Поцелуй меня, – неожиданно сказала Женя. – Крепко-крепко. Быстро. Ну! – и она закрыла глаза.

Димон сто раз видел в кино, как это делается, но самому целовать девчонку, если честно, ему приходилось только раз. На даче летом. Темно было и поэтому не страшно. Да и поцелуй был не настоящий, так – на прощанье ткнулся ей неуклюже носом в щеку, когда уже проводил до калитки.

– Ну! – уже шепотом повторила Женя, – я кому сказала, быстро целуй!

Димон осторожно обнял ее. Она приподнялась на цыпочки, закинула руки ему на плечи и подняла лицо. Димон наклонил голову и как можно бережнее коснулся губами ее губ. Губы, нос, щеки были мокрые и холодные от уличной непогоды.

– Что-то я не так делаю, – промелькнуло у него в голове, но Женя вдруг застонала и, раскрыв губы, языком коснулась губ Димона. Он понял: нужно языком! Он открыл рот, и его язык коснулся ее влажного языка. По спине тут же пробежа-

ла искра, даже не искра, разряд в миллион вольт!

– Чудо, какое ты чудо, – шептала Женя, – хороший мой, мальчик мой!

Они стояли в полутемной прихожей и не могли оторвать-ся друг от друга. У него все тело налилось какой-то огромной небывалой силищей. Он был такой большой, просто громадный, а Женя такая маленькая, такая хрупкая, озябшая и беззащитная.

Если бы сейчас он встретился с этим Гудвином или с Червонцем, если бы они что-то посмели сказать про Женю, он бы порвал их на куски, на британский флаг. Двоих сразу, голыми руками. И плевать на нож и на то, что они взрослые парни.

...Потом произошло то, что должно было произойти. И опять все было как во сне. Димон не мог поверить, что все это происходит с ним. То, о чем он так часто думал, сейчас происходило с ним, и это было во сто раз прекраснее, чем он мог представить!

За окном хлестал сильный дождь, капли громко барабанили по жестяному карнизу, они лежали в комнате, в полной темноте. Димон боялся открыть глаза, ему казалось, что он откроет глаза и проснется.

– Ты где? – прошептал он.

– Я здесь – ответила она, – посмотри на меня.

Он открыл глаза. В темноте ее тело светилось.

– Тогда ты была вся золотая, а теперь вся жемчужная, –

восхищенно прошептал Димон.

– Да, вот такая я – вся драгоценная. Я драгоценная, а ты сахарный, сладкий ты мой. Ты ведь не уйдешь никуда, правда?

Димон нашарил в джинсах коммуникатор, взглянул на часы, было уже без пяти одиннадцать. Он набрал домашний номер. Трубку снял Антон.

– Тоха, это я. Папу дай.

– Ты где? Тут все волнуются.

Отец взял трубку:

– Да, слушаю, ты где?

– Пап, у меня тут такое дело... В общем, я сегодня домой не попадаю.

– Ты уверен? Может, мне за тобой приехать или сам машину поймаешь?

– Нет, пап. У меня все в порядке, просто не могу сегодня, приеду завтра.

– Ну, ладно, понял. Смотри там, поаккуратнее.

– В каком смысле?

– В смысле внуков нам с мамой, – усмехнулся отец. – Рановато нам пока.

Потом они на кухне голодные ели холодную курицу, разрывая ее руками, заедая лавашем и запивая пивом.

– А ты вроде пиво не любила раньше? – подтрунивал Димон.

– Иногда хочется. А вот где ты так целоваться научился? –

спрашивала Женька.

– Да на переменках, где же еще! Ликер будешь? Он сладкий.

– Да ну его! Ты у меня самый сладкий. Я лучше тебя буду.

Глава 17. Вызов к Горынычу

После теста прошло около месяца. Димон давно забыл и о тесте, и о громоотводах. Один раз только вспомнил и спросил у отца:

– Пап, вот скажи, ты бы за 1 000 баксов у нас на даче громоотвод поставил бы?

– За тыщу? Да за такие деньги я и сам его сделаю, – ответил отец. – Чего там делать то?

– Я бы поставила, – вмешалась мама, – тебя не дожدهшься. Помнишь, у Сорокиных в прошлом году дача сгорела?

– Во-первых, не вся дача, а только баня, а во-вторых, не от грозы сгорела, а по пьянке, – рассудительно отвечал отец.

– Ну и что, все равно лучше подстраховаться. Зря, что ли его Ломоносов изобрел.

– Кого?

– Да громоотвод! Кого же еще?

– Ну, положим, эта идея принадлежит не Ломоносову, а Франклину, – проворчал отец, – История там была такая....

Мама, как всегда перебила его:

– Какая разница! У них Франклин, у нас Ломоносов. Главное, что от грозы спасает. Димочка, ты разузнай там у себя в интернете, кто их ставит и за сколько. Я сама закажу, а то отца не дожدهшься никогда.

Димон не стал уж говорить, что идея эта и не Франклина,

и тем более не Ломоносова, а его собственная, но про себя решил, что продвигать ее лучше всего было бы все-таки среди женщин. Они быстрее согласятся, что громоотвод в доме очень даже нужен и мужчин убедят.

Вот что в женских журналах надо рекламировать, попадешь в самую точку. Это будет покруче, чем коэнзимы с карбамидами! Эх, была бы его воля!

Второй раз о громоотводах ему напомнил один из братьев Филиных.

Димон был на уроке физкультуры и самозабвенно рубился с ребятами в баскет. Игра была в самом разгаре, когда в зал вбежал взбудораженный брат Филин и истошно заорал:

– Димона срочно к Горынычу! Где от тут? Чернова к директору, срочно! Сказали живого или мертвого!

Побледневший физрук кивнул, и Димон, запыхавшийся, как был в майке и трусах, весь мокрый от пота, выбежал из зала. Пока они летели на четвертый этаж, брат Филин захлебываясь, тараторил:

– Мы стоим себе так спокойненько в коридорчике, нас русичка выгнала. Вдруг Горыныч выбегает откуда-то и кричит мне: «Филин, чего ты тут слоняешься? Чернова, ко мне, срочно. Живого или мертвого!» Я ему так спокойненько отвечаю: «А где я его вам, Игорь Васильевич, возьму?» А он мне орет: «Срочно, – кричит, – без разговоров!» И Эльвира рядом тоже орет: «У него физкультура, у него физкультура!». Ну, я тогда сразу к тебе, а ты там играешь!

На третьем этаже Димон замедлил бег.

– А куда это мы так летим? Чего им хоть надо то?

– А я знаю? – шмыгнув носом, ответил брат Филин.

– А он злой был?

– Кто?

– Ну, Горыныч, балда, кто же еще!

– Жесть! Просто жесть! Ужасно злой! И, главное, выбежал откуда-то! Живого, говорит, или мертвого! Озверел просто.

У Димона пропало всякое желание куда-либо торопиться. В животе прочно поселился зловещий и противный холодок. Он свернул с лестницы в холл и зашел в туалет. Второй брат Филин стоял у кафельной стены и и сосредоточенно разрисовывал на ней синим фломастером слово «Metallica». Димон мимоходом машинально пальцем смазал неправильную букву «k», сел на широкий подоконник и, глядя в пол, стал думать.

Братья Филины стояли рядом, сочувственно шмыгали носами, вздыхали и, причитая по очереди, думать мешали.

– Да-а, Димон, влетит тебе теперь.

– Да-а, Димон, попадет тебе теперь.

– Да-а, Димон, как бы из школы не выгнали теперь.

– А за что выгонять то? – огрызался Димон, – что я такого сделал-то?

– Откуда я знаю? Горыныч придумает за что.

– Ладно, неизвестно еще. Ну, так. Начнем по порядку, – рассуждал про себя Димон, – прогулял две физики на про-

шлой неделе, это не в счет, за это бы сразу вставили. На математике с Женькой переписывался, но Ольгуша, вроде, ничего не видела. Что еще? С охранником чуть не подрался, что не выпускал на улицу, но он не стал бы Горынычу закладывать, он нормальный мужик.

Непонятно. Вообще, ничего непонятно. Получается, что, тогда, скорее всего, за физику.

Димон открыл в умывальнике кран, стал умываться, и тут в туалет вошел сам Горыныч.

– Чернов? Молодец. Уже здесь? Умываешься? Молодец. Ты извини, что я тебя прямо с физкультуры сорвал. Очень важное дело к тебе есть. Иди, переоденься и ко мне, срочно. Учителю скажи, что я тебя снял с занятий на весь день. Очень важное дело.

– Конечно, Игорь Васильевич. Я мигом, Игорь Васильевич, – обрадованно пролепетал Димон. Он, закрыл кран, кое-как вытер майкой лицо, подождал пока директор выйдет, вразвалку подошел к обомлевшему брату Филину и с наслаждением, от всей души вlepил ему звонкий щелбан.

– В войну паникеров расстреливали на месте! Понял?

Через пять минут он уже одетый, причесанный и застегнутый на все пуговицы, стучался в кабинет к директору. Горыныч вышел из-за стола и протянул ему руку:

– Ну, герой, поздравляю. Как это мы тебя проглядели? Что молчишь? Ничего не понимаешь?

– Вы о чем, Игорь Васильевич?

– Ты прошел тест. Твой проект одобрен там, – он показал пальцем на потолок.

До Димона стало понемногу доходить.

– Это про миллион что ли долларов? Про громоотводы?

– Не знаю, про громоотводы или про что, но там, – и он снова показал на потолок, – его одобрили. Вот, что главное.

– А где там, Игорь Васильевич? В РОНО?

– Какое там РОНО! – всплеснул руками Горыныч.

– В мэрии?

– Какое там в мэрии? Звонили из аппарата самого Кудрявцева!

– А кто это?

– Ну, ты Чернов, даешь! Ты хоть телевизор смотришь иногда? Про Большой Совет Директоров слышал?

– Ну, так, слышал краем уха.

– Вот именно, что краем. Ну, да это не главное. Главное, что через неделю у тебя собеседование там, – он снова ткнул пальцем в потолок. – Ты вот что. Ты, как следует, подготовься. Я тебя освобождаю от всех домашних заданий, будешь готовиться по индивидуальной программе, я тебе лично подберу литературу, преподаватель по экономике тебе тоже подскажет, что и как. Договорились?

– Я конечно. Я с удовольствием, Игорь Васильевич.

– И еще. Вот что. Вот здесь, – Горыныч показал на картонный скоросшиватель, лежащий у него на столе, – здесь твои тесты за последние три года. Вот, в прошлом году ты,

например, писал, что тебе не нравится, как работает наша школьная столовая, верно?

– Так это же был анонимный тест! – возмущенно возразил Димон.

– Неважно, пусть анонимный. А вот еще тест, где ты пишешь, что тебе не нравится, как в школе ведутся занятия по математике.

– Но, Игорь Васильевич! Это тоже был анонимный тест!

– Ты, давай, не возмущайся, ты лучше подумай, как ты будешь честь школы защищать! Ты понимаешь, на каком уровне тебе придется там общаться? Ты понимаешь, какие могут быть для школы последствия, если ты там будешь эти свои мысли высказывать?

– Понимаю, Игорь Васильевич. Я не буду ничего такого высказывать. Что я, дурак совсем?

Я и тогда ничего не хотел высказывать, а Эльвира Николаевна говорит, пишите все честно, вот я и написал.

– Вот, Чернов, молодец. Вот теперь молодец. Я знал, что ты умный парень.

...И как это мы тебя проглядели?

Глава 18. Собеседование

Для собеседования мать нагладила Димону костюм, достала из шкафа совсем новую рубашку в целлофановой упаковке. Рубашка была отцовской, Димону немного великоватой. Мать пыталась заставить его надеть отцовский же галстук, но Димон отговаривался, как мог. С галстуком видно было, что рубашка великовата в вороте, шея из нее торчала как-то очень по-детски, и Димон отказался наотрез. А с расстегнутым воротником было не слишком заметно, что рубашка велика. И костюм был уже впритык, Димон надевал его на 1 сентября, но за осень он сильно вырос, особенно руки почему-то.

– Ладно, – подумал, Димон, – хрен с ними, с руками. Если стоя – буду руки за спиной держать, а сидя, когда руки на парту кладешь – рукава все равно задираются. Без костюма туда нельзя! Там же все крутые будут. Кто эти костюмы только придумал? Выглядишь в них как идиот последний!

Собеседование было назначено в одном из московских вузов, в центре. Димону не впервой было ехать по городу. Курьером он любил ездить по Москве, особенно на трамвае. Едешь без пробок. Сядешь себе у окошечка и едешь. Мимо автомобильных пробок, мимо витрин магазинов, по узким улочкам и по широким проспектам. В ушах наушники, музыка, в голове мысли, мечты.

Сейчас в наушниках пел Justin Timberlake – I Think She Knows...

В этой песне разноска на две колонки просто чудовая. От этой разности у Димона всегда сносило башню, он сидел, слушал и блаженно улыбался всем как больной.

А вокруг тачки, тачки... Какие же в Москве у всех обалденные тачки! Вот эту тачилу, например, он бы мыл каждый день, а мужик в ней сидит – не понимает своего счастья – иметь такую красоту.

Помыл бы хоть, чудик, а то даже номера не видны! Хотя бы номер протер – менты ведь оштрафуют!

А вот эта тачка – какая красавица, но, пожалуй, слишком большая, для Димона, по крайней мере. Куда такая! Наверное, в ней сидит шкаф какой-нибудь – семь на восемь.

Но в огромном джипе за рулем сидела крохотная девушка, с тонюсенькой сигареткой в нежных пальчиках. Димон недавно видел рекламу в Сети: можно по номеру машины послать эсэмэску ее владельцу. То есть, сообщение посылаешь, конечно, владельцам этого сервиса, а они уже, наверное, пробивают по базе хозяина этой машины и пересылают сообщение ему.

Вот этой девушке с сигареткой он бы мог послать сейчас эсэмэску. Что бы он ей написал? Что-нибудь изящное. Вот это, например:

– Вы прекрасны, вы очаровательны, но слишком много курите. Давайте бросим вместе сегодня в пиццерии у метро в

19.00. Димон. Вот бы она удивилась!

Только, скорее всего, владелец машины – ее папа. Вот он как раз и есть шкаф семь на восемь. Димон представил себе этого папу-шкафа, как он сидит у себя в офисе, курит одну за одной и руководит своими подчиненными. И вдруг приходит эсэмеска от Димона: «Вы прекрасны, вы очаровательны, но слишком много курите...» Прикольно может получиться.

В наушниках теперь пела Bjork – Earth Intruders. От нее у Димона всегда шел холодок по коже, вставляло не по-детски! А родителям дал послушать – тем не понравилось. Им надо «Золотое кольцо», и, вообще, Радио-ретро, в основном.

Сам Димон не курил. Пробовал начинать, но отец отговорил. Разговор был мужской, но не в смысле угроз, ремней там всяких и прочее, а логичный и очень убедительный.

– Вот, давай зададим себе два вопроса, – начал отец, – всего два. Но ответить надо со всей честностью, себя не обманывать!

Первый вопрос: Правда ли, что курить не просто вредно, а смертельно вредно?

Димон пожал плечами, дескать, что тут скажешь? Вредно, конечно, никто не спорит.

– Нет, – настаивал отец, – тут самое главное слово – смертельно. От этого умирают и очень часто. Посмотри статистику смертности от рака и сердечных заболеваний, какая там доля курильщиков!

Еще представь блок сигарет, представил? Там 200 штук.

Теперь представь, что ты все 200 сигарет поджег у нас в подъезде на первом этаже, и они все сгорели. Представил? Что будет?

– Много дыма будет, – засмеялся Димон.

– Много это сколько, – не отставал отец. – На последнем этаже руку свою увидишь в таком дыму?

– Нет, наверное, – неуверенно ответил Димон.

– Так вот за месяц весь этот дым с первого по пятый этаж, весь до последней молекулы, ты пропустишь через свои легкие. Согласен? Через свои собственные легкие.

И вся дрянь, которая в этом дыме была, вся она потом из легких с кровью разойдется по твоему телу: попадет не только в легкие, дойдет и в почки, и в кишки, и в мозг, и везде-везде. А дряни там – немеряно, особенно в нынешних сигаретах! И заметь еще, ты подвергаешь себя смертельной опасности совершенно добровольно. И бесплатно притом. Никто тебе молоко за вредность не дает. Даже сам платишь деньги за курево, и, кстати, немалые деньги!

Ну, ладно, – согласился Димон, пусть смертельно. А второй вопрос?

– А второй такой: правда ли, что курить – это такое несказанное, такое небесное, такое райское наслаждение, что ты готов забыть о своем ответе на первый вопрос? Я знаю, что есть примеры, когда затяжка дает человеку такой эффект: на войне, в тюрьме, в других невыносимых условиях. Там уже речь идет не о наслаждении, там, где нет ни человеческой

еды, ни питья, ни сна, ни отдыха. Где риск загнуться стоит перед человеком ежедневно. Да, там, я мог бы согласиться, что человек забудет ради табака об ответе на первый вопрос. Но в нормальной жизни, разве это можно назвать наслаждением? Глупая, дурацкая привычка – не больше!

Если у заядлого курильщика спросить, сколько сигарет он выкуривает с удовольствием, он честно скажет – одну, ну максимум две в день. А остальную пачку выкуривает автоматически, и даже не задумываясь, приятно это ему или нет. Ну, и какой смысл тогда попадать в такое рабство? А ведь это рабство! Люди ночью выходят в подъезд окурки собирать, если им приспичит курить, а сигареты кончились! В самолете пять часов не курить для курильщика – мука мученическая! Чистое рабство!

Ну, все. Вроде, приехал. Выйдя из трамвая, Димон достал из кармана распечатку карты из Интернета с отмеченным на ней адресом, сориентировался и легко нашел нужное направление. Вот длинный забор, где-то здесь должны быть ворота и вход во двор института.

Не доходя до ворот, еще издалека, он увидел сидящего у забора нищего. Почему-то сразу Димон забыл про девушку, и про курение и внезапно вспомнил, куда он идет и зачем. Как в голове соединились нищий и собеседование с крутыми бизнесменами, было непонятно. Димон решил потом обдумать это: не мог же мозг просто так среагировать на нищего, просто так ничего в этой жизни не бывает, это Димон стал

недавно понимать все сильнее.

Подойдя поближе, он поразился внешности этого нищего: молодой, в общем-то, парень, только с большой бородой и усами, сидит на картонке, перед ним на мокром асфальте шапка с монетками. Одна нога вытянута, а вторая неуклюже поджата под себя, к забору приставлены костыли.

– Наверное, ногу на войне потерял, – подумал Димон, – на растяжке подорвался.

Вид у парня был не испитой, а вполне свежий, лицо румяное, взгляд не мутный, а наоборот – ясный и даже веселый. От этого Димону стало его жаль еще больше.

– Нарочно так улыбается, чтобы не видели, как ему стыдно, – решил Димон. Он остановился, быстро положил парню в шапку 10 рублей, и, не глядя на него, зашагал к воротам.

– Христос с тобой! Пусть тебе Бог поможет, как ты мне помог, добрый человек, – раздалось ему вдогонку. Голос у парня был чистый, здоровый как у нормального трезвого человека.

– Чего он с таким голосом здесь сидит? – подумал Димон, – мог бы на радио работать, кто его там увидит с его одной ногой? А можно и на телевидении, диктором. Все равно их за столом там по пояс показывают, и тоже ноги не будет видно. Бороду только сбрить, и нормально будет.

Перед нужной аудиторией в холле уже стоял народ, человек 30–40. Димон сразу понял, что попал туда, куда надо. От всех собравшихся в холле за версту разило богатством, рос-

кошью, довольством. Многие, как видно, были знакомы друг с другом, кучковались группками и оживленно беседовали. Парочка невзрачных ребят одиноко жалась к подоконнику, было видно сразу, что они не из этой тусовки.

Димон не сильно разбирался в моде, но даже ему было понятно, что основной состав здесь был далеко не из среднего класса. Молодые люди одеты были очень стильно, все на них было новенькое и дорогое – костюмчики, брючки, ботиночки. У всех были аккуратные стрижки, они держались с достоинством, не суетились, зная себе цену.

Девушки тоже отличались от девушек из его школы, даже лица у них были какие—то другие, не говоря уж об одежде и прическах. Со многими были мамы, или бабушки, но, заметил Димон, такие бабушки, что выглядели моложе иных мам.

– Интересно, – подумал Димон, – о чем они свои креативы писали? И куда они все свои миллионы вложили? И из каких они все школ? С Рублевки, все, наверное. Поговорить бы с кем...

Димон одернул короткие рукава пиджака, спрятал руки за спину и неспешно подошел к подоконнику. В окне он увидел садик перед зданием института, забор, ворота. Что-то копошилось с внешней стороны забора.

Димон пригляделся и не поверил своим глазам. Нищий – тот самый безногий парень – встал, поднял с асфальта картонку, закинул, как удочки, костыли на плечо и легкой по-

ходкой пошел по направлению к остановке трамвая.

– Ну, люди, – задохнулся от негодования Димон, – вот и верь после этого!

Внутри у него все кипело, первое желание было догнать нищего и сказать ему все, что он о нем думает, но стоящие у двери аудитории ребята зашевелились, все стали медленно заходить внутрь. Мамы и бабушки тоже попытались зайти, но им было вежливо отказано молодыми людьми в очень аккуратных костюмах.

Димон впервые оказался в студенческой аудитории. Ему понравилось, что все здесь устроено не так как в школе. Она была полукруглой, ряды располагались как в кинотеатре – друг над другом. Ступеньки были высокие, так что Димон со своего места видел не затылки, а самые макушки сидящих впереди. Он не стал садиться на первый ряд, сел на галерку, хотя некоторые ребята сразу поспешили занять именно первые места.

На кафедру вышел худощавый господин с тонкими усиками, пощелкал по микрофону и заговорил неожиданно сочным, красивым голосом:

– Уважаемый дамы и господа, я рад приветствовать здесь школьников – авторов лучших бизнес-проектов. Меня зовут Сергей Степанович Кудрявцев. Большой Совет Директоров поручил мне быть руководителем данного направления.

– Вот это да! Ни хрена себе – сам Кудрявцев! – пронеслось у Димона в голове. – Вот бы сюда Горыныча, он бы со стула

упал!

– Мы подробно изучили все сделанные вами предложения, – продолжал Кудрявцев, – и хотим с вами познакомиться поближе. Разговор у нас будет, несколько необычный. Вы в детстве сказки читали?

Народ опешил. Димону показалось, что он ослышался.

– Да, читали.

– Читали в детстве, – раздалась в ответ слабые нестройные голоса.

– Вот и хорошо. С точки зрения не сказочной, а экономической, какие события в этих сказках вы могли бы выделить? Какие экономические законы можно проиллюстрировать примерами из сказок?

Подумайте, времени даю на подготовку один час. Кому нужны тексты, можете подойти к столу, взять, – и он показал на стопку ярких детских книжек на краю преподавательского стола.

Димон обалдел. Он ожидал чего угодно, но только не такого подхода к серьезному делу. Он вспомнил озабоченное лицо Горыныча, когда тот вызвал его к себе и сообщил о приглашении на такое важное собеседование, вспомнил, с каким усердием целую неделю его натаскивала училка по экономике по заданию Горыныча. Как-то все это не вязалось со сказками. Детский сад какой-то.

Народ, по-видимому, тоже был растерян. Несколько девчат неуверенно потянулись к столу за книжками. Парни, по-

смеиваясь, тоже стали привставать с мест. Видно, что тексты произведений были основательно подзабыты.

Пока ребята готовились, в зал несколько раз заходили разные люди, шепотом переговаривались с преподавателями.

Один раз зашел зачем-то фотограф, сделал несколько снимков издали и несколько крупным планом и быстро ушел.

Ровно через час в аудиторию вошли еще несколько преподавателей. Они разбились на группы по два человека за столом и стали приглашать желающих отвечать. Сергей Степанович прохаживался вдоль столов со стаканом чая в серебряном подстаканнике, слушал внимательно, но сам вопросов не задавал.

Перед Димоном отвечала девушка с длинной косой, в акkuratном платье. Она начала с куртки, азбуки и луковицы.

– Первое экономическое событие, которое произошло в сказке «Золотой ключик» – начала девушка, – это продажа куртки. Папа Карло продал свою куртку и на вырученные деньги купил азбуку и луковицу. Буратино потом продал азбуку за четыре сольдо, которые потратил на билет в театр.

– Следовательно, – уверенно продолжала девушка, – имели место еще два экономических события – продажа азбуки и покупка билета. Таким образом, можно сделать вывод, что в сложившихся экономических условиях, стоимость азбуки равнялась стоимости билета в театр. Если принять за основу, что цена это денежное выражение ценности товара, то билет

в театр и азбука имели одинаковую ценность. В соответствии с законом спроса и предложения цена формируется...

Димон слушал все это, и его постепенно охватывало чувство безнадежности. Краем глаза он увидел перед девушкой несколько страниц, исписанных убористым подчерком. Там, по-видимому, было добросовестно изложено все до последней мелочи про рыночные отношения Буратино с окружающими персонажами.

Судя по всему, девушка могла говорить еще долго и правильно, с полным знанием дела.

– Баян! Какой баян! Давай, гони дальше! Смотри, про Дуремара не забудь, – шептал себе под нос Димон, – как он пивками торговал ...

Он только недавно читал Антону эту книжку про Буратино. Антон, хотя и сам уже прекрасно мог читать, но часто, как маленький, клянчил перед сном, чтобы ему почитали.

При всем при этом Димон прекрасно понимал, что Дуремар Дуремаром, но так складно он ответить уж явно не сможет, так что ему и мечтать о благополучном исходе собеседования не приходится.

– Скорей бы все это кончилось, – думал он, – сразу было ясно, что не для меня это все. А Горынычу скажу, что валили не по-детски. Конкретно валили, скажу. По институтской программе.

Вот человек подготовлен – видно сразу. Таких, наверное, с детства готовят, или школа у нее с экономическим укло-

НОМ.

– Спасибо, достаточно, – прервал девушку Сергей Степанович, – вы Родионова? Это вы в своем проекте предлагали создать Телевизионный Университет?

– Да, – ответила, девушка.

– Хорошо, ступайте, спасибо. Ну, а теперь вы, молодой человек, прошу вас, – обратился Сергей Степанович к Димону, – вы согласны, что обмен азбуки на билет в театр был эквивалентным?

– Была – не была! – подумал Димон, – скорее бы уж все это кончилось! – Он набрал воздуха и решительно сказал прямо в лицо Кудрявцеву.

– Да никакой это не эквивалентный обмен был! Это не обмен, это обман был! Его просто надули, развели как последнего лошару! Он ведь жил-то на свете всего первый день и ничего не знал, что почем. Такого любой разведет.

Сергей Степанович сначала слегка оторопел, но быстро взял себя в руки и возразил, что не такой он уж и наивный был, по-видимому, этот Буратино, но Димона понесло. В груди опять появился этот холодок и связанное с ним твердолобое упрямство.

– Конечно, наивный. Да там все наивно! Это сказка, а в жизни все не так! Если задуматься, то Карабас Барабас – вот кто Буратино второй отец. Он ему реально денег дал, да каких еще денег! Не четыре сольдо, а полновесные золотые монеты – пять штук. Причем дал не за что-то там, а просто так!

Чтобы он с его Папой Карло не умерли с голоду!

– Но ведь Карабас, возможно, просто хотел завладеть камеркой с заветной дверцей! – не унимался Сергей Степанович, – стал бы он платить пять золотых монет за просто так!

– Естественно, хотел. Если это была его собственная дверца, – возразил Димон. Ему уже было все равно, и он решил стоять насмерть.

– Вот так дела! Как это так – его собственная дверца?

– Так. Чей ключ, того и дверца! Или я не прав?

– А чей ключ? Я что-то не припоминаю, чей там был золотой ключик? Он, кажется, на дне пруда лежал?

– Так Карабаса же! Откуда у Папы Карло могло взяться золото, он же был нищий шарманщик! Как говорится, откуда у народа такие деньги?

В том то и дело, что ключик Карабаса!

Сергей Степанович, по-видимому, оценил юмор. Он поставил серебряный подстаканник на стол и с интересом взглянул на Димона.

– Ну-ну. И с чего это вы взяли, что ключик принадлежал Карабасу?

– Как с чего? – воодушевился Димон. – В кино про это не было, это правда, но в книжке-то ясно сказано. Хотите, я вам сейчас это место покажу? Вы поймите, там же ясно написано в книжке, что золотой ключик – это собственность Карабаса! Он ведь его просто потерял! Выронил в пруд. Шел по мосту пожилой человек, чихнул, достал платок и уронил нечаянно

свой собственный ключ в пруд! А Черепаха эта злопамятная из вредности не захотела отдавать.

– Серьезно? – растерянно спросил Кудрявцев – А почему не хотела-то? Она, вроде, добрая была.

– Может, конечно, и добрая, – согласился Димон. – Только у нее, видите ли, какие-то люди сто лет назад понаделали гребенок из бабушки.

Неприятно, конечно, когда из твоей бабушки гребенки делают. Никто не спорит. Но, заметьте, абсолютно посторонние люди понаделали, к этому Карабасу не имеющие никакого отношения!

Карабас-то тут при чем? Сто лет прошло! Он, вообще, был не при делах! Он ее умолял просто, чтобы она ему достала этот ключик! А она не отдала!

Но если человек что-то свое обронил, то он право собственности на это не теряет. Он этого никому не дарил, не продавал, не обменивал, так почему же ключ не его? «Собственность священна», – не помню, кто сказал!

– Вот как! – удивленно ответил Сергей Степанович. – Значит, я подзабыл текст. Годы, однако, берут свое. Но, все равно, Карабас был злой, он кукол мучил! – продолжал он подзуживать Димона.

– Ну и что? При чем тут добрый или злой? Черепаха – добрая, Карабас – злой, какое все это имеет значение? Это собственность! Вот Мальвина не злая, вроде, все ее любят, хорошая такая, а когда за Буратино бандиты гнались! Что

она сделала? А за ним с пистолетом гнались! И с ножом! С нож-о-ом! За вами когда-нибудь с ножом кто-нибудь гнался?

Тут Димон осекся. Он только что собирался сказать, что за ним как раз гнались, но вовремя остановился. У Сергея Степановича в голове тоже в этот момент промелькнули некоторые неприятные воспоминания, и он тоже вовремя отогнал их.

– Чего это я несу? Никто за мной не гнался, Червонец в машине мне куртку порезал! – промелькнуло у Димона в мозгу. Он перевел дыхание и продолжил уже поспокойнее.

– А она его даже в дом непустила! – он демонстративно поднял указательный палец и для наглядности поводил им почти перед самым носом у Сергея Степановича.

– Ночью, когда он ей стучал, просил пустить в дом, она его непустила, не пришла ему на помощь. А потом еще она же его же и в чулан посадила. За что, спрашивается? Да за какую-то кляксу!

Что теперь, всех за кляксу сажать будем?! Это как? Она добрая, по-вашему? Ей что ли, надо было золотой ключик подарить за ее добрые дела?

Все в аудитории притихли и с интересом слушали, как разошелся Димон. Сергей Степанович развел руками:

– Ну, вас, как видно не переспоришь, Ладно, согласен, что вопрос остался открытым, поскольку неизвестно как эта недвижимость попала к Папе Карло. Если незаконным путем, то сделка может быть признана ничтожной. С недвижи-

мостью такое и сейчас частенько случается.

Действительно, надо признать, что история темная. Папа Карло, судя по всему, жил там недавно, иначе должен был бы знать про дверцу. Надо бы посмотреть по записям в домово́й книге, но сказка есть сказка. В общем, историю этой недвижимости автор оставил за рамками повествования, так что все версии могут обсуждаться.

Ну, если ни у кого больше аргументов нет, собеседование окончено, спасибо всем, комиссия удаляется для вынесения вердикта!

Глава 19. Вердикт

В небольшой комнате по соседству с аудиторией обсуждались результаты собеседования.

– Я не понимаю, – недоуменно перебирал бумаги Сергей Степанович, – откуда здесь Сергиенко, Тимошина, вот еще Пахомкин? Их же нет в списке авторов проектов! Где их проекты?

– Сергей Степанович, – тихо отвечала ему секретарша, – вам же звонили их родители, они мне сказали, что с вами все согласовано.

– Ничего не согласовано! Кто вам дал указание включать их в список?

– Я думала, что вы в курсе. Такие важные персоны. Сергиенко – племянник губернатора, Тимошина дочь посла, за Пахомкина просил замминистра.

– Послушайте, Ирина Иосифовна, пусть это будет в последний раз. Я руковожу проектом, и я решаю, кого приглашать, а кого нет! Неужели мы будем начинать такое дело, и принимать ребят по блату, как в старые времена! Это невозможно, совершенно невозможно! Всех, кто не получил положительную рецензию на проект, вычеркнуть!

Поехали дальше. От нищего есть сведения?

– Да, Сергей Степанович. Игорь приходил, на фотографиях узнал только несколько человек, кто подал ему милосты-

ню, – ответил один из помощников.

– Так, ну и кто же?

Ирина Иосифовна взяла со стола список:

– Кравцов – 5 рублей, Мельников – 10 рублей, Родионова – 5 рублей, Чернов – 10 рублей.

– Что, и все? Так мало?

– Да, это весь список. Кстати, ему то и подали кроме них еще только трое, но все уже пожилые люди, не наши ребята.

– Неужели так мало? Как жаль. Я думал, что будет больше. – Сергей Степанович расстроено поскреб подбородок.

– Но ничего не сделать. Решение об этом было принято на Совете Школы, не мне его менять. Это был второй главный конкурс, и это принципиальная позиция членов Совета. Что у Родионовой?

– Хороший проект, Сергей Степанович, но это некоммерческий проект.

– Да, помню. Тоже взял бы, но на Совете было точно установлено, что зачисляем только коммерческие проекты, Родионову поощрите, возьмите на особый контроль. Надо повнимательнее к ней приглядеться. Способная девушка.

– Чернов. Это кто? Это не тот, кто за Карабаса заступался?

– Он.

– Ну, этот далеко пойдет. Немного невыдержан, конечно, нервный мальчик. Но это возрастное, я думаю, это пройдет. Парень способен на нестандартное мышление. А уж заступаться любит! Вот адвокат бы из него отличный получился,

это точно, а не только предприниматель. О чем его проект?

– О громоотводах.

– Как это?

– Ну, о том, что установка громоотводов – высокорентабельный бизнес.

– Да, вспомнил. Потрясающе! Действительно, на земле ведь деньги лежат. Только поднять.

Через час за окном стало совсем темно, в аудитории давно зажгли свет. Димон устал, изнервничался, проголодался. Он пожалел, что не послушал мать и не взял из дому бутерброды, они были бы сейчас очень кстати. Мама мастерски делала даже не бутерброды, а такие закуски: в тонкий лаваш заворачивала мелко нарезанное вареное мясо, огурцы, сыр, лучок – все, что было под рукой. Все это пропитывалось майонезом или кетчупом и сворачивалось в трубочку. Трубочка потом разрезалась наискось на куски и получались вкусные рулетики, которые можно было есть на скорую руку в любой обстановке.

Но дело, конечно, сейчас было не в рулетиках. Настроение было неважное, Димон не видел никаких шансов на успех, но, несмотря на голод и усталость, для чего-то остался. Ему не хотелось покидать эту аудиторию, новую обстановку, расставаться с новыми лицами.

– Как бы хорошо было учиться вместе с этой Родионовой, с этими ребятами, – думал он. – Они какие-то другие, с ними было бы интересно, это тебе не Бабуин и его команда!

В зале заволновались: в аудиторию вошли Сергей Степанович и несколько преподавателей, участвовавших в собеседовании. Все встали.

– Дорогие друзья, – начал Кудрявцев, не дожидаясь пока в зале станет тихо, – садитесь, прошу вас. Дорогие друзья, я должен сообщить вам, что каким-то необъяснимым образом сегодня на собеседование явились не только авторы лучших проектов, но и ребята, вообще не принимавшие участия в нашем конкурсе.

Мы не проверяли на входе, считали, что приглашение получили только те, чьи работы получили одобрение наших преподавателей. Но, по-видимому, есть умники и умницы, которые пришли сюда без приглашения. Мы не будем называть их фамилий, они сами об этом знают и понимают, я надеюсь, что на какие-либо призовые места рассчитывать не могут. Это первое.

Второе. Сейчас я зачитаю фамилии ребят, прошедших собеседование успешно и рекомендованных нами на получение гранта на обучение в любом вузе России. Но это еще будет нескоро, многим из вас еще надо закончить школу.

Пока же, в качестве приза мы дополнительно награждаем отличившихся в этом конкурсе слитком золота весом в 100 граммов. Проба 99, 99 %. Для кого—то это останется просто сувениром, а кому-то, возможно, даст первый толчок к самостоятельному бизнесу. Поздравляю вас, дорогие друзья! – и Сергей Степанович начал зачитывать список.

Каждому названному он вручал сертификат и небольшую бархатную коробочку со слитком. Димон все ждал, назовут ли Родионову. Про себя он даже и не думал, все было и так ясно. От нечего делать он достал коммуникатор, сделал в Гугле запрос: «слиток золота 100 граммов купить». Первый же сайт показал цену 94 100 рублей.

– Ни хрена себе, награды дают, подумал Димон, – некуда им деньги девать, что ли?

– Родионова Любовь Павловна, – огласил Сергей Степанович очередную фамилию. Девушка с длинными косами встала и раскрасневшаяся подошла к кафедре. Димон ей залюбовался.

– Вот молодец, Любовь Павловна, – подумал он, – не то, что некоторые. – А нам, видно, придется на учебу себе самостоятельно зарабатывать.

– И, наконец, – торжественно объявил Сергей Степанович, – я с великим удовольствием объявляю имена трех финалистов нашего конкурса, получивших право на обучение в нашей Школе. Это Мельников Андрей Валентинович, Кравцов Егор Вячеславович и Чернов Дмитрий Иванович. Вас я попрошу выйти к нам сюда для награждения.

У Димона что-то упало в животе, и по телу пробежал холодок. Он не мог поверить своим ушам. Чернов – это он. Дмитрий Иванович – это тоже он. Но может быть есть еще Чернов? Однофамилец? Он оглянулся по сторонам, двое парней приподнимались из-за столов, остальные, так же как

и он оглядывались по сторонам в поиске третьего счастливого. Нет, третьего не было.

Оглушенный Димон на ослабших ногах, не чувствуя их, направился к кафедре. Он боялся упасть, голова была чужой, все тело было чужое.

Сергей Степанович, крепко пожал ему руку:

– Поздравляю Вас, Дмитрий Иванович. От души поздравляю.

Кто-то вручил ему букет цветов, кто-то еще подходил, жал руку, поздравлял.

Димон ничего не осознавал, только улыбался всем.

– Спасибо, – лепетал он. – Да. Большое спасибо. Спасибо большое.

Понемногу аудитория пустела. Димон опустился на стул, положил на стол букет. Двое других триумфаторов, с растерянными и счастливыми лицами не зная, куда себя деть, присели рядом.

– Ну, что сидим? – раздался над ними голос Сергея Степановича. Давайте быстро вниз, одевайтесь, сегодня я сам отвезу вас домой, а завтра утром за вами приедут уже ваши машины. Будьте готовы к 8 утра.

За воротами ребят уже ждал большой, шикарный автомобиль. Бабуин бы сразу узнал его. Это был огромный темно-синий Лексус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.